

Тимур Ершов

Ностальгия

повести и рассказы

Тимур Иванович Ершов

Ностальгия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50633837

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга в виде коротких рассказов повествует о непростой судьбе реальных людей, участвовавших в первой мировой и гражданской войнах, переживших времена красного террора, раскулачивания и НЭПа. С исторической достоверностью описан их исход в Китай и происходящие с ними события во время эмиграции. Возвращение на Родину в СССР через освоение Целины.

Содержание

Предисловие	5
I глава	6
Незванная гостья	12
«Не так хороша, как холодна!»	16
Путешествие	24
Исход	31
Иван	46
II глава	59
Чашка и ложка	68
Долгожданная встреча	77
Коля	83
III глава	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

*В память о любимых дедушке
Иване Михайловиче и бабушке
Зое Алексеевне, посвящая детям
историю нашего рода.*

Дедушка	Бабушка
Ершов Иван Михайлович	Ершова (Паластрова) Зоя Алексеевна
Г.р. 06.04.1900 – 01.09.1974 д.с.	Г.р. 26.12.1914 – 30.08.1997 д.с.
Место рождения: Россия, Казанская губерния, Лаишевский уезд, село Алексеевское.	Место рождения: Россия, Пермская губерния, Оханский уезд, Кунгурский р-н, село Мазунино.
Родители: Отец - Михаил Ершов Мать - ?	Родители: Отец - Паластров Алексей Павлович - 1873 г.р. - 1948 д.с. Мать - Ирина Евлампьевна ≈ 1892 - 94 г.р.
Иван - последний, 10-й ребенок в семье.	
Родные сестры и братья: - Вера Михайловна; - Онисия Михайловна; - Степан Михайлович Ершов и ...	Сёстры и братья от первого брака отца: - Фёкла Алексеевна (оставалась в России); - Василий Алексеевич - 1894 г.р. (до «исхода» был женат, но не смог перевезти жену в Китай и они исчезли из жизни друг друга, в Китае женился второй раз) – 1978 д.с.; - Анастасия Алексеевна (оставалась в России); - Клавдия Алексеевна (оставалась в России); - Августа Алексеевна – старше бабушки на 2 года (оставалась в России). Сёстры и братья от второго брака отца: - Зоя Алексеевна – 1913 (по документам 1914) г.р.; - Николай Алексеевич – 1915 г.р. - (утонул); - Петр Алексеевич – 1926 (27) г.р. (сын Алеша 1964 г.р.); - Сергей Алексеевич – 1930 г.р. - (сошел с ума, пропал).
Дети:	
- Клавдия Ивановна Ершова – 1932 г.р.- умерла, не дожив до 2-х лет от дизентерии (заразила няню -китайка) в г. Чанчунь; - Наталья Ивановна Ершова – родилась 4 июня 1934 года в г. Мукден; - Елена Ивановна Ершова – родилась 24 мая 1937 года в г. Харбин; - Татьяна Ивановна Ершова – родилась 7 ноября 1940 года в г. Харбин.	

Предисловие

В июле 1918 года по старому Калининскому тракту на третьей версте от села Мазунино, в ложке за липами, Черезвычайной Комиссией Оханского уезда были расстреляны 12 мазунинцев, уважаемых людей села, чем-то не угодивших советской власти. Перед казнью их заставили вырыть себе могилу.

Перезахоронить останки расстрелянных селян смогли только в марте 1919 года, когда в селе стояли колчаковцы.

І глава

Хмурое лето

Бесконечный ночной дождь. С утра ничуть не лучше. Льёт.

Приподняв с окна ажурную занавеску и выглянув на улицу, Ирина Евлампьевна суетливо подозвала Анастасию:

– Возьми-ка Клавдию с Зоей, да посмотрите на площади «стоят ли». И сразу домой!

Ещё в июле отряд продразверстки¹ «экспроприировал», а

¹ Советское руководство проводило политику военного коммунизма. 20 июля 1920 года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», по которому крестьяне обязаны были сдать все излишки хлеба прошлых лет и одновременно нового урожая: зерно, мясо, масло, яйца, картофель, овощи, кожи, шерсть, табак, рога, копыта и многое другое. Всего на них распространялось 37 развёрсток. Кроме того, всё трудовое население с 18 до 50 лет должно было исполнять различные повинности: рубить и вывозить лес, поставлять подводы и т.д. За уклонение предусматривались строгие меры наказания вплоть до ареста и отправки на принудительные работы. К началу 1921 года крестьянские восстания охватили практически всю Советскую Россию. Крестьяне требовали прекращения хлебной монополии и ликвидации диктатуры РКП(б). Зимой 1921 года восстала и Западная Сибирь. Ввиду плохих погодных условий – проливные дожди привели к сильной распутице, что осложнило работы по изъятию хлеба и транспортировке его к железнодорожным станциям, выполнить задания по продразвёрстке не удалось. Курс на скорейшее выполнение плана привёл к дальнейшим злоупотреблениям и бесхозяйственности. Из-за бессистемности большевистского руководства и безалаберности властей гнил собранный в общественных амбарах хлеб, погибали от

на деле просто выволокли, угрожая штыками, из дома всё

холода овцы, остриженные для выполнения плана шерстяной развёрстки, ило уничтожение крупного рогатого скота. С помощью вооружённой силы власти легко расправлялись с «недовольными». Начинались бунты и вооруженные восстания крестьян. Продразвёрстка поставила сельское население перед угрозой голода. 22 января 1921 года, для более правильного обеспечения беднейшего сельского населения продовольственным хлебом, было принято Постановление Тюменского Губернского Исполнительного Комитета Совета депутатов трудящихся и Губернского Продовольственного Комитета «О внутренней развёрстке хлеба», которая будет проводиться после государственной развёрстки. 27 января 1921 года начались волнения в Омутинской волости Ялуторовского уезда. 31 января 1921 года произошли столкновения крестьян с продотрядами в сёлах Челноковском и Чуртанском. В течение трёх дней восстание охватило весь север Ишимского уезда и перекинулось на Ялуторовский. К 4 февраля восстание охватило Ингалинскую, Петропавловскую и Слободо-Бешильскую волости Ялуторовского уезда. Весной 1921 года повстанческие отряды действовали на огромной территории от Обдорска на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугульм на западе до Сургута на востоке. Численность повстанцев к апрелю превысила 100 тыс. человек. Несмотря на ярко выраженную ожесточенность, повстанческое движение носило очаговый характер. Крестьянство не поголовно присоединилось к восставшим, что отнюдь не определялось только его социально-имущественным положением (в частности, на стороне «восставших» так или иначе, оказалась и сельская беднота). Организаторам повстанческого движения пришлось прибегать к насильственным мобилизациям мужского населения в возрасте от 18 до 35 (45) лет, в случае необходимости не останавливаясь перед репрессиями. Часть крестьян, просто не желала воевать, а если и воевала, то на ограниченной территории, при этом во многих деревнях формировались и собственные добровольческие отряды, прежде всего, из наиболее пострадавших от Советской власти. Социальный состав повстанческого движения был достаточно пестрым: в основном середняки, зажиточные крестьяне, часть бедноты, бывшие военные специалисты, перебежавшие или сдавшиеся в плен красноармейцы (так, в бою в районе села Беловского, пулемётчиками у повстанцев являлись сдавшиеся красноармейцы 233-го полка), а также уголовники. Восстание приобрело огромный размах. В феврале 1921 года повстанцы на

семейное имущество на сельскую площадь. Как впрочем, и

три недели парализовали движение по обеим линиям Транссибирской железнодорожной магистрали, а затем заняли города Петропавловск – 14 февраля, Тобольск – 21 февраля, Кокчетав – 21 февраля, Сургут – 10 марта, Березов – 21 марта, Обдорск – 1 апреля и Каркаралинск – 5 апреля, вели бои за Ишим (несколько раз переходивший из рук в руки), приблизились к Кургану и Ялуторовску. Боевые действия, которые велись в феврале – апреле 1921 года на охваченной восстанием территории, по масштабам и военно-политическим результатам сравнимы с крупными армейскими операциями времен гражданской войны. Широкое распространение в коммунистических частях получили бессудные расстрелы мирных жителей. За порчу железнодорожного полотна красноармейцы сжигали все деревни в радиусе 10 верст. По данным И. Н. Смирнова, менее чем за первые полтора месяца боев в Ишимском узде было убито около 7000 и в Петропавловском – 15000 крестьян. Приказом Сибревкома от 12 февраля 1921 года ответственность за сохранение железных дорог возлагалась на жителей, прилегающих к линии населенных пунктов, из числа которых берутся заложники, которые расстреливаются в случае появления крестьянских отрядов в данной местности. Для удобства управления советскими войсками район восстания был разбит на три участка: Северный (Ишимский), Южный (Петропавловский), и Западный (Камышловско-Шадринский). Подошедшие на помощь дополнительные войска, имевшие опыт борьбы с повстанцами на Алтае и в Поволжье, остановили продвижение повстанцев в южных районах Западной Сибири и в середине февраля 1921 года, используя бронепоезда и артиллерию, нанесли встречные удары вдоль линий железных дорог со стороны Урала и Омска. На северной линии хорошо укрепленными оказались станции и особенно село Гольшиманово. Три тысячи крестьян под руководством перешедших на их сторону инженеров 33-го полестро (полевое строительство) соорудили мощные оборонительные рубежи и сражались в течение двух недель. После того, как прибывшие в качестве подкрепления 232 и 253 полки 21 дивизии зашли в тыл повстанцам, защитники оставили село и отошли на север. 24 февраля 1921 года части Красной армии, двигавшиеся навстречу друг другу по северной магистрали, соединились на станции Вагай. К 4 марта была очищена линия Омск-Челябинск, и было восстановлено движение поездов по южной ветке. В результате этих операций одна из крупнейших группировок – Ишимско-Петропавловская, насчитыва-

имущество соседей. Так оно там ржавеет и портится под дождями. Особенно жалко новенькую швейную машинку «SINGER» с ножным приводом, которая кормила и обшивала всю семью – девочки учились на ней шить. Лошадку с коровой-кормилицей сразу же увели, авось пользуются, а то и забили давно уж, ироды. Чем детей кормить?

– Вроде нет их, – вернулись с улицы дети, – не видно Че-Ка!

– Тсс! Не шуми. Верно там они, аспиды, – приложив палец к губам, прошептала мать и, задумавшись, тяжело вздохнула. Поморщилась, осенила крестным знамением грудь и прочитала короткую молитву: – «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь

вавшая более 20 тысяч повстанцев, оказалась в окружении вместе со штабом Сибирского фронта. Среди попавших в ловушку деморализованных повстанцев начались столкновения. Дальнейшее продвижение частей Красной армии привело к ликвидации угрозы захвата повстанцами Акмолинска. 17 марта потерпела поражение отступавшая из района Петропавловска Сибирская кавалерийская дивизия С. Токарева. Оставшиеся казаки, с присоединившимися к ним отрядами кокчетавских и акмолинских повстанцев, общей численностью две тысячи бойцов, бежали на восток к китайской границе. В середине мая 1921 года они ушли в Китай. С лета 1921 года повстанцы переходят к партизанской тактике борьбы. Летом 1921 года в Ишимском уезде начался массовый голод, который продолжался и в 1922 г. Вспыхнула эпидемия холеры. Бои продолжались ещё год, последние очаги восстания были окончательно ликвидированы только к концу 1922 года. При подавлении восстания проводились карательные операции. Практиковалось взятие крестьян, родственников повстанцев, в заложники. От артиллерийского огня в боях погибло множество мирных жителей, в том числе женщины и дети.

нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго», – Ох-ох,.. как же жить? С голоду опухнем...

Ещё в июле, когда за селом в овражке чекисты расстреляли мужиков, стало **ОЧЕНЬ** страшно! Они и за мужем с Васей тоже приходили, эти из Оханского ЧК, чтобы расстрелять вместе с другими уважаемыми в селе крестьянами. Ну, а как же, богачи! Лошадь, корова, карамель варят – петушки на палочке продают, пирожки пекут на продажу, да всё село обшивают.

Только вот Алексей Павлович со старшим сыном, которого новая власть отпустила с фронта из армии, ещё весной двинулись с обозом на восток. На заработки, за недостатком денег и пищи. А до этого они успели ещё потрудиться и помочь в строительстве Белгородского монастыря на Белой горе под Кунгуром. Храни их Господь.

«...РАССТРЕЛЯТЬ Паластровых Алексея Павловича – зажиточного середняка и сына его Василия – полкового разведчика, награжденного за подвиги в боях, как врагов революции именем Советской власти и трудового Народа»!!!
РАССТРЕЛЯТЬ!!!

Забрав всё, что было дома и во дворе, чекисты ещё долго выпытывали: – «Куда, сволочи, попрятали продукты?! Где вещи?!», но самое главное: – «Куда мужиков своих дели – врагов большевистской власти»?!

СТРАШНО!!!

Не нашли мужиков. Не расстреляли вместе с другими. Обошлось, слава Богу.

Только отняли всё, из чего складывалась жизнь и ушли. Детей напугали сильно, но хоть не тронули. И то ничего.

Холодно в доме. У Зои, который день болит ухо, застудили на холодных полатях, надуло. Перепугалась, спит теперь плохо, стонет во сне, разговаривает, по щекам слезы.

На обед лепешки из лебеды да мелкая рыбешка, которую ловят соседские мальчишки самодельными удочками на речке. Можно использовать в пищу липовую кору, что зимой возле оврага обдирают зайцы. Как зимой выживать?

Ирина Евлампьевна погрузилась в тяжелые раздумья. Надела круглые очки на резинке, поискала, на чем написать. Нашла клочок ткани и химический карандаш. Позвала старшую дочь мужа Фёклу. Они долго разговаривали шепотом, о чем-то спорили, убеждая, друг дружку. Фёкла послунявила карандаш и, медленно выводя каждое слово, написала на лоскутке: «*Домой НЕЛЬЗЯ! Ищут ЧК! УБИТЬ!*»

Рушился вековой семейный уклад.

Незванная гостья

– Мамочка! А где Коля? – подбежала к Ирине Евлампьевне маленькая Зоя.

– Не видала, пойдй, посмотри во дворе, должно играется там.

Зоя выбежала во двор.

Деревенский дом, пятистенник, с крыльцом и сенями, на окнах открытые ставни. На завалинке моется кошка. Во дворе ветхие постройки, пустой хлев, ясли, сарай, сеновал, мастерская. По периметру серый забор, ворота и калитка. Небольшой огород, заросший травой и лебедой там, где когда-то были грядки. Между грядок и у дома на дорожках настил из почерневших струганных досок.

Рано утром, только выглянуло ласковое солнышко, прошел грибной дождик. Весело играя на фасаде, солнечные лучи со стекол оконных створок посылают зайчиков прыгать по двору. Вдали за пригорком тает радуга. Настойчиво стрекочут в траве кузнечики. Ловко маневрируя и гремя крыльями, остановилась и полетела дальше большая стрекоза. От земли поднимается лёгкий пар. Пахнет смолой и пряностью трав. С травинок скатываются изумрудные капельки росы.

Выскочив из темных сеней, Зоя, с непривычки зажмурила синие глаза и поднесла ко лбу козырьком ладошку. Осмотрелась. Увидела у сарая маленького Колю. Севши на корточки,

он внимательно рассматривал жирного дождевого червяка. Рядом с Колей, на березовом чурбачке, сидела старшая сестра Анастасия и плела корзинку из ивовых прутьев.

– Ой, а ещё черви есть? – восхищенно спросила Зоя.

– Да где-то есть, – возбуждая Зоино любопытство, произнесла сестра, – ты поищи!

Зоя развернулась к ближайшей доске на дорожке, присела, деловито взялась за её край, приподняла:

– Что-то нет тут червяков, – разочарованно пробормотала Зоя и приподняла соседнюю доску.

– Зоя!!! – неожиданно выкрикнула Настя.

Зоя, вскочив от неожиданности, резко обернулась на голос сестры и замерла, выпучив от удивления глаза.

По двору, колыша воздух вокруг себя, плыл и вибрировал ярко-оранжевый, с серебристым отливом шар. Из его синего ореола во все стороны исходили нити фиолетовых искр. Воздух во дворе сгустился, и запахло, как после грозы. Шар медленно очертил круг над головами детей, приблизился к окну дома и завис.

Как будто вглядываясь внутрь комнаты, он плавно залетел в открытую форточку: – «Оххх!», – в доме громко с тревогой в голосе выдохнула Ирина Евлампьевна.

Анастасия подскочила на пеньке и выронила из рук недоделанную корзинку. Зоя, глядя на окно, застыла с открытым ртом. Коля спокойно теребил червяка. Червяк настойчиво вырывался из его рук и определённо уже ничему здесь не

удивлялся. Погостив в доме, шар снова появился в той же форточке. Важно из неё выплыл и, потрескивая искорками, поравнялся с Зоей. Приблизившись к ней поближе «незванный гость» остановился, и почти в упор стал внимательно её изучать. Зоя, заморожено, смотрела не него широко открытыми глазами. А шар пульсировал, стрекотал и, содрогаясь, подбирался к ней всё ближе и ближе. Зое невольно захотелось потрогать это удивительное создание. Как во сне, её рука медленно поднялась и указательный палец...

– Не надо, – срываясь с шепота в крик, прохрипела Анастасия, – не трогай!!!

Зоя резко одернула руку и, как будто придя в себя, отскочила, не выпуская светящийся шар из вида. Брызнув искрами, шар попятился, соскользнул вниз, резко взмыл вверх, остановился и стремительно с треском врезался в землю под Зоины ногами. Внутренние края досок разлетелись в щепки и немного обуглившись, испустили сладкий дымок. Подбежав, побледневшая Настя схватила сестренку на руки:

– Ты цела? – мельком ощупав, она быстро осмотрела сестру и поставила её на ноги.

– Ну, так-то да! – весело сказала Зоя, – А что это?!

– Шаровая молния, – дрожащим голосом объяснила сестра, разгребая ивовым прутиком щепки, – смотри, прямо между досок ударила! Только тоненькая дырочка в земле осталась.

– Ага... – покрутив прядь волос, о чем-то задумалась

Зоя, – всех червяков распугала... – и строго посмотрела на сестру.

Из дома выбежала вся семья.

«Не так хороша, как холодна!»

Или «Не так хороша, как горяча!» в зависимости от ситуации и по случаю.

По воспоминаниям деда (Ивана Михайловича) и бабушки (Зои Алексеевны), в конюшнях отца нашего деда работали татары. Они выполняли разную, чаще всего грязную работу. Прибирались в конюшнях, вычищали и выносили навоз, чистили стоки, по которым стекала конская моча. Работниками они были нерадивыми и временными – ленивые, вороватые попрошайки, выклянчивающие то одно то другое.

Описываемый случай произошел, когда в Казанской губернии стояла страшная жара. От земли поднималось дрожащее марево нагретого солнцем воздуха. В конюшнях стояла тень, и веяло прохладой. Лошади мялись в стойлах под навесом, переминаясь с ноги на ногу, отгоняя хвостами мух и оводов.

Прадед Михаил обходил конюшни, проверяя всё ли в порядке. Осматривал лошадей, говорил с ними, ласково хлопал по загривкам и крупу ладошкой. Одну расчесет и даст сахарку, другой яблоко. У которой проверит ноги, хорошо ли подкованы копыта: зажав между коленок согнутую ногу лошади, специальным крюком вычистит из них землю и забившиеся камушки. Набрал в ковш чистой воды из бака, напоит лошадок.

И вдруг, из сумрака конюшен, как какое-то наваждение материализовался татарин в засаленном грязном халате. Он картинно согнулся и вытянул руку в сторону хозяина. На его хитром лице в узком разрезе масляных черных глаз мелькнули огоньки, узкие губы под тоненькими усиками вытянулись в заискивающей улыбке:

– Хазяина! Ласадей паис?

– Пою!– ответил прадед Михаил.

– Вадиска халодна?

– Холодная!

– А кваса есить?

– И квас есть!

– Дас татарину папись?

– А чего ж не дать! На!

Прадед, ловко зачерпнув из стока, за которым и должен был следить этот горе-работник, лошадиную мочу, подаёт ему полный ковш. Татарин, причмокивая, жадно пьет, да нахваливает. Струйки, стекая по его подбородку на халат, быстро впитываются в ткань, оставляя мокрые пятна.

– Ну, как квасок, – спрашивает у него прадед, – хорош?!

– Ммммм, – возвращая пустой ковш и довольно облизывая губы, отвечает ему татарин, – «Не так хараса, как харадна»!!!

Так и прицепилась эта присказка к нашей семье.

Телеграфисты

Педантичные германцы с «австро-венграми» методично «утюжили» передовые позиции русских артиллерийским огнем. В ответ, русская артиллерия под шквальным огнем противника, стараясь понапрасну не расходовать снаряды, выдавала редкие залпы из своих осыпающихся редутов. Земля, усеянная воронками, выглядела как месиво из глины с песком, жижи, кусков плоти, разорванного в клочья военного обмундирования и древесины. Тухлый сладковатый запах гнили и чеснока перемешался с пороховыми газами и гарью.

Солдаты вжимались в стены окопов. Связь со штабом бы-

² Телеграфные войска (разновидность войск связи) отвечали за обеспечение бесперебойного и безопасного сообщения между подразделениями собственных и дружественных войск в военное время, а так же за разрушение вражеских телеграфных коммуникаций. Кабельные отделения создавали линии связи в районах подверженных артиллерийскому огню или в горной местности, где невозможно было установить телеграфные шести. Каждому отделению, кроме телеграфного оборудования, предавалось оборудование оптического телеграфа. В дневное время применялись зеркала диаметром 50 сантиметров, ночью – оптические полевые аппараты Манжена с объективами диаметром 10 сантиметров и сигнальными приборами Миклашевского. По действовавшим с 1912 года нормам снабжения армейских корпусов средствами связи каждому корпусу из двух пехотных дивизий, саперного батальона и отделения полевого инженерного парка полагалось: 20 телеграфных, 193 телефонных аппарата и 333 версты кабеля. На службу телеграфистами призывались технически грамотные, образованные молодые люди, умеющие хорошо читать, грамотно писать, лаконично излагать мысли и распоряжения, досконально владеющие азбукой Морзе. Они обучались шифрографии и впоследствии получали необходимый допуск к секретной информации, с вытекающими из этого обстоятельствами. Применительно к техническим условиям ВС сегодняшнего дня, аналог телеграфных войск – это армейские подразделения войск радиоэлектронной борьбы и разведки.

ла перебита и артиллерия палила по врагу в слепую на русский авось. Для ведения прицельного огня, было необходимо срочно наладить связь между штабом и батареей.

Для восстановления связи на передовую из штаба отправили двух телеграфистов. Прикрывать их вызвались два штабных казака-кавалериста с письменным донесением на батарею.

Военному телеграфисту, это что – обычная работа. Найти разрыв кабеля, соединить и заизолировать концы. В полевой сумке есть все необходимые для этого инструменты и отдельно целая катушка кабеля.

Степан заглянул в сумку и убедился, что всё на месте. Тем временем Иван, молодой чернявый связист, повозившись в пучке проводов отходящих из штаба, выбрал нужный и, зажав его в ладони, окликнул Степана. По кабелю, они, направившись в сторону линии фронта. Казаки, держа за уздцы лошадок, двинулись следом за ними.

С передовой доносился грохот разрывающихся снарядов и залпы орудий. Кони, крутили острыми ушами по сторонам и храпели, пережевывая стальные удила. Напряжение нарастало. Оседлав своих скакунов, казаки разъехались по сторонам. В одиночную мишень попасть труднее, как известно – «пуля-дура», но осколки выбирать не будут совсем.

Пригибаясь от снарядов к земле, Степан с Иваном нашли обрыв кабеля. Осмотрелись. Пошарили вокруг, и нашли другой его конец. Нарастив разрыв куском кабеля с катушки, со-

единили провода. Прозвонили. Не работает. Поползли дальше. Кабель в объёме ладони, в руках винтовки, вещмешки за спиной. У одного на локте полевая сумка, другой тащит за собой катушку.

С грохотом вздымая смерч из огня и каменистой почвы, рядом разорвался снаряд. Земля, содрогаясь от боли со стоном обрушилась с небес. Жужжа, как пчелиный рой, во все стороны полетели горячие осколки. Падая, они дымилась как угольки, выпавшие из чёртовой топки ада. Казаки, прижавшись к лошадям, резвым аллюром ускакали к блиндажам на передовую, у них своя задача.

Степан подполз к Ивану. Быстро переговорив, они решили не испытывать судьбу и перебежками добираться до ближайших блиндажей. Перепаханная разрывами снарядов и осколками земля дымилась под ногами. Искать повреждения связи здесь, не имело никакого смысла. Батарею видно, до нее не больше полувёрст, на катушке запаса кабеля должно хватить.

Подтащив конец оборванного полевого кабеля к себе, они соединили его с кабелем на катушке и, выпустив достаточное количество, придавили большим валуном. Немедля, они вприпрыжку побежали за казаками, стараясь увернуться от осколков и брызг земли. Катушка, со свистом крутясь на оси, оставляла позади них свежий кабель связи.

Сдавливая грудь и высасывая из лёгких последний воздух, их объял жар ударной волны. В голове зазвенел колокол. По-

ка угасало сознание, Иван успел разглядеть расплывающийся силуэт ближайшего к ним орудия, и плавно снижаясь с высоты на землю, сосчитать оставшиеся до него метры.

Придя в себя, Иван ощутил острую боль в бедре. В ушах стоял звон. Саднило левое плечо. На зубах скрипел песок. Он сел, сплюнул и осмотрелся. В ноге дыра, и по руке тоже струится бурая кровь. «Не пенится и темная, буду жить», – пронеслось в мыслях. Недалеко застонал Степан. Иван к нему подполз:

– Куда тебя?

– Не знаю. Ног не чую, – прорычал Степан.

– Ладно! Сейчас...

Иван подобрал разбросанные, присыпанные землёй вещи. Поднял винтовки и самое главное, катушку с кабелем. Подергал кабель: «Цел!» – восхищенно удивился Иван. Собрал всё на плечо и снова подобрался к Степану:

– Руки целы?

– Да.

– Цепляйся за мой вещмешок, да держись со всей силы!

Под разрывами снарядов, они доползли до траншеи и опрокинулись в неё, переводя дух.

Пока Иван, прихрамывая, укладывал кабель, солдаты помогли донести Степана до блиндажа. В офицерском блиндаже Иван прикрепил новый провод к клеммам аппарата. Покрутил ручку и вызвал штаб. На другом конце провода сразу ответили. Связь заработала.

– Ваше благородие! Разрешите обратиться? – повернулся он к офицеру.

– Да ты ранен! – под грохотом орудий прокричал офицер.

– Так точно! Живы будем, не помрём! Связь со штабом налажена! – прикладывая ладонь к фуражке, крикнул Иван.

– А помрем, живы не будем! – улыбнулся офицер, – Будешь представлен к награде, сынок! Спасибо, братец!

– Рад стараться! Служу царю и отечеству! – как мог, вытянулся в струнку и козырнул Иван, – Только ведь я не один!

– Да знаю, братец, знаю, – улыбнулся усталыми глазами офицер, – им тоже награда полагается. А ещё лечение, банька, чарочка и сон...

– Сколь годков-то тебе, сынок?

– Шестнадцать, Ваше благородие!

– Да вольно, вольно уже... Казачка одного из твоих убило. Возьми его лошадку, раненого бойца и марш с передовой обратно в штаб. Справишься с конём?

– Так точно! Обучен! У отца свои конюшни! Вперёд научился ездить верхом на лошади, чем ходить ногами.

– Ха-ха-ха! Да ты хват! – приглаживая усы рукой, залился смехом офицер.

Иван доковылял со Степаном до коней. Нашел своего штабного казака разбитого горем от смерти друга и досаждающих ему ран. Вместе они сначала взвалили на круп одного коня труп казака. Привязали его к упряжи. Потом Иван по-

мог забраться на того же коня другому казаку. После солдаты помогли поднять Степана на второго коня, и удерживали его, пока Иван не вскочил в седло сам. Ивану подали полевую сумку.

Обратно, благодаря выучке и покладистости коней, до штаба полка доскакали ловко и быстро. Не помешали ни взрывы, ни болезненные раны. Доложили в штабе о выполнении задания. А позже Ивана со Степаном, за совершенный ими боевой подвиг действительно, наградили серебряными «георгиевскими крестами».

Путешествие

Бабушка часто брала меня с собой в Пермь. Зимой, осенью, но обычно в мои летние каникулы. Мама тоже иногда ездила к своей сестре со мной, но гораздо реже.

Покупались билеты на железнодорожном вокзале. Бабушка приносила билеты на поезд домой и всегда показывала их мне. Прямоугольные маленькие коричневые картонки (3 x 5 см) с проделанными в них дырочками, по краям имелись перфорированные цифры – дата и время отправления³. Мне нравились эти билеты, я их трогал, читал на просвет цифры и смотрел через дырочки на солнце в окошке.

Обычно ездили в простом плацкартном вагоне. Дорога занимала всего восемь часов – ночью сел в поезд, утром из него вышел. Порой нам доставались боковые места в купе – бабушка занимала нижнюю полку, а я верхнюю. Фирменный поезд «Прикамье», Свердловск-Пермь всегда уходил «без пяти в полночь». И даже стоя на перроне перед посадкой в вагон, я опять глядел сквозь дырочки в билетах на фонари, загадочно мерцающие в темноте шумного вокзала.

В детстве мне очень нравилось путешествовать на поездах. Под стук колес слушать спокойные и размеренные ба-

³ Типографским способом напечатаны номер билета, номер зоны, станция отправления и прибытия, тип комфорта, стоимость. Место под номер поезда, номер вагона, номер места в вагоне – заполнялись кассиром вручную.

бушкины рассказы, кушать в дороге еёстряпню и радоваться неожиданным гостинцам. Смотреть на проплывающие мимо окон вагона меняющиеся пейзажи.

Ритмичный стук колес, запах дегтя, дымящийся чай из дровяного титана, рафинированный фирменный сахар из двух кусочков в бумажной обертке с картинкой – были для меня счастливыми мгновениями, безумно вкусными и очень душевными.

Ночью, прижавшись животом к верхней полке, я смотрел в темное окно. Посапывая, спали попутчики. В проплывающих мимо очертаниях городов и деревень, мой взгляд выхватывал струящийся из окон домов свет, и моё воображение рисовало картинки происходящих там событий. Под перестук колёсных пар вагона на стрелках мелькали прожекторы. Звеня шлагбаумами и мигая красными фонарями, проносились железнодорожные переезды. Во время остановок поезда слух заполнялся шумом станций, суетливой беготнёй проводниц, хлопаньем дверей и скрипом опускающихся ступеней. Затем, медленно приближался и уходил дальше, то звонкий, то глухой стук рабочего молотка. Заполняя ёмкости вагона, шумела вода. Тормозные буксы, со скрипом, нехотя отпускали натёртые до блеска колёса. Всё это время станционные динамики, переговариваясь голосами диспетчеров, эхом отдавались в ночи. Локомотив, состыковываясь с составом, толкал вагоны назад и они, подчиняясь его силе, по очереди откликались: «Есть! Есть! Есть! Есть! Есть!

Есть»! Поезд медленно трогался и под мерный стук колес на стыках рельс, под плавное покачивание вагона, я сладко засыпал. Сердце билось в такт дороге железнодорожного полотна: «тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук».

В один из приездов к родным в Пермь, повидаться с нами пришел старший бабушкин брат – дядя Вася (Василий Алексеевич). Невысокий, лысый, в окладистой бороде, шамкающий беззубым ртом жизнерадостный и веселый старичок с добрыми серыми глазами.

Слегка «приОкивая», он расспросил о моих успехах, чем я живу и интересуюсь. Лукавая улыбка почти не сходила с его губ. Накладные карманы его старого, как будто с чужого плеча, огромного черного пиджака топорщились по бокам в разные стороны. Мы вышли на балкон. Ласково согрелая светило солнышко. В голубом небе кричали стрижи. Стремительно пикируя, они, пролетали мимо и уносились ввысь. Легкий ветерок шевелил волосы на моей голове и трепал бороду дяди Васи. Он сунул руку в карман, и в его ладони появилась жестяная прямоугольная коробочка из-под старинных конфет.

– Тимурка, смотри, что я тебе покажу, – прижимая губы к моему уху, прошептал он, открывая крышечку.

В коробке было что-то завернуто в белую ткань.

– Можешь развернуть. Только аккуратно, не урони. И никому не говори. Хорошо? – глаза дедушки Васи искрились загадочной улыбкой.

Я утвердительно кивнул головой. Присмотрелся и тихо-нечко стал разворачивать таинственный предмет.

– Это «крест русского мужества», орден Святого Георгия I степени, – произнес, шамкая беззубым ртом дед, – а вон там ещё Звезда к нему и другие награды.

Белая эмаль на золоте креста, отражая солнечный свет, переливалась перламутром, и блестела как сокровища в открытом Эдмоном Дантесом сундуке на острове Монте-Кристо. В центре ордена, упавшей капелькой крови, выделен баг-

ровый кружочек внутри которого Святой Георгий на белом коне убивает копьём крылатого змея. Рядом с этой наградой лежала квадратная «Звезда», на ней круговая надпись «за отвагу и храбрость». Среди планок и георгиевских лент, ещё несколько медалей, крестов, белый платочек с голубым вензелем и какие-то другие предметы.

– Дядя Вася, ты был на войне? – с интересом спросил я.

– Был, – улыбнулся дедушка, – только не на той, о которой ты подумал.

Дед Вася бережно свернул тряпочку, закрыл крышкой коробку и убрал её в карман. Вытер пальцами усы вокруг рта и оперся локтями на перила балкона.

– В «Первую мировую» я воевал, четырнадцатого года которая, «Империалистическую», разведчиком в пехоте.

– И языка брал? – недоверчиво покосился я на маленького человечка в изношенном большом пиджаке с закатанными до запястья рукавами, торчащими в отворотах светлой подкладкой.

– Всякое бывало, – зажмурился дядя Вася, и улыбка пропала с его лица, – и вшей в окопах кормил, и за линию фронта ходил. Плутал по болотам. И оружие применял... разное, против германца, в «штыковой» и так...

– Страшно было? – тихонечко спросил я.

– Страшно? – посмотрел в чистое небо Василий Алексеевич и вытер покотившуюся из глаза слезу, – Да. Было страшно. Ночью, когда не видно ни зги и пули свистят. Когда под

ногами топкая жижа, а луна прячется за тучами... Достанешь крестик из-под рубахи, поцелуешь его и шепчешь «Отче наш», как будто и страх проходит...

«Мужчины, обедать!» – послышался из гостиной голос тёти Лены.

– А знаешь, как мой дед помер? – снова улыбнулся дед Вася.

– Нет, – удивился я.

– Дед мой, Павел, вернулся с покоса. А высокий был мужик, здоровенный – косая сажень в плечах! Сел обедать! Съел сто штук пельменей! Запил холодным квасом! Пошёл в баню, хорошенько попарился! Вышел из бани и ещё выпил холодного квасу! Тут и умер от заворота кишок. Девяносто семь лет ему было.

Повисла пауза. Я мысленно оживлял все эти истории в своём воображении.

После обеда дед Вася рассказал нам с Машей, моей белокурой озорной сестренкой, ещё одну историю, но уже про своего отца:

– ...вот так ребяташки! А отец мой, Алексей Павлович Паластров, был сильный и крепкий мужчина! На покосе, как-то попали ему косой по икре. Резанули ногу знатно, крови много. Отец зачерпнул полную ладонь пыли с дороги, крепко приложил её к ране и завязал поперёк травой. Быстро всё зажило! Эээх, не то, что теперь! А?! – губы дяди Васи растянулись в беззубой улыбке.

Серый перрон из железобетона,
Хищно терзает огрызок ворона,
Бьется газета под ветром страницей,
Жметя и жмурит собака ресницы.
Вечер спускается капли роняя,
Чаек промчалась голодная стая,
Эхом бормочет диспетчер в динамик,
Бьет молотком по колесам механик.
Локомотив подцепился к составу –
Каждый вагон отозвался ударом...
Запах мазута, дегтя и дыма,
Время прощаний ни с чем несравнимо...
Долгие паузы в быстрой беседе,
Бесцеремонно ходят соседи.
Знаками жестов, улыбок и слез
Мы расстаемся с тобой паровоз...
Скрылся, на стыках себе отстучав,
Где-то, на стрелке, гудком поворчав,
Спрятал в дороге последний вагон...
И снова остался лишь серый перрон,
Нет ни собак, ни газет, ни ворон,
Только один железобетон.
Один он. Один он. Один он.

Исход

⁴ *Белая эмиграция (Русская белая эмиграция, также Русская эмиграция первой волны) – наименование волны эмиграции из России, возникшей вследствие событий почти шестилетней Гражданской войны (1917—1923). Белая (антибольшевистская) эмиграция, которая с 1919 года приняла массовый характер, сформировалась в ходе нескольких этапов:– Первый этап связан с постепенным бегством людей из России сразу же после Октябрьской социалистической революции в конце 1917 года. Также сюда относится вынужденное перемещение людей по стране ввиду террора участников конфликта и боевых действий, движение фронтов всех сторон, массовой криминализации страны. – Второй этап связан с эвакуацией Вооружённых сил Юга России под командованием Генерального штаба генерал-лейтенанта А. И. Деникина из Новороссийска в феврале-марте 1920 года. – Третий этап связан с эвакуацией Русской Армии под командованием генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 года. – Четвёртый этап связан с поражением войск адмирала А. В. Колчака. – Пятый этап связан с эвакуацией белой Дальневосточной армии генерала Дитерихса, белого флота контр-адмирала Старка и бегство японской армии из Приморья в 1922 году. Уже в 1920 году при участии КВЖД появился Харбинский техникум, впоследствии ставший Харбинским политехническим институтом, ректором которого был Устругов (бывший министр путей сообщения при Колчаке). Затем в Харбине открылись Педагогический институт, Медицинский институт, Коммерческий институт, Институт Востока, Юридический институт, Владимирская семинария и Северо-маньчжурский университет. В большинстве эти учебные заведения создавались на основе российской системы образования. Общее количество эмигрантов из России на 1 ноября 1920 по подсчётам американского Красного Креста составляло 1 млн. 194 тыс. человек. По данным Лиги Наций, по состоянию на август 1921 года было более 1,4 млн. беженцев из России. В то же время доктор исторических наук В. М. Кабузан оценивает общее число эмигрировавших из России в 1918—1924 годах величиной не менее 5 млн. чело-*

Долго пришлось Ирине Евлампьевне с детьми выживать

век. Включая около 2 млн. жителей польских и прибалтийских губерний, входивших в состав Российской империи до «Первой мировой войны», а затем вошедших в состав новообразованных суверенных государств и отдавших предпочтение гражданству новых государств российскому. В подавляющем большинстве эмигрантами были военные, дворяне, предприниматели, интеллигенция, казаки, духовенство, государственные служащие, а также члены их семей. Русские эмигранты в Китае, Русский Харбин и Русский Шанхай. Перед революцией численность российской колонии в Маньчжурии составляла не менее 200—220 тысяч человек, а к ноябрю 1920 года — уже не менее 288 тысяч человек. С отменой 23 сентября 1920 года статуса экстерриториальности для российских граждан в Китае всё русское население в нём, в том числе и беженцы, перешло на незавидное положение «бесподданных» эмигрантов в чужом государстве, то есть, на положение фактической диаспоры. На протяжении всего периода Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 годы) здесь наблюдалось значительное механическое движение населения, заключавшееся, однако, не только в притоке населения, но и в значительном его оттоке — вследствие «колчаковских», «семёновских» и прочих мобилизаций, реэмиграции и репатриации в большевистскую Россию. Первый серьёзный поток русских беженцев на Дальнем Востоке датируется началом 1920 года — временем, когда уже пала Омская директория. Второй поток — октябрём-ноябрём 1920 года, когда была разгромлена армия так называемой «Российской Восточной окраины» под командованием атамана Г. М. Семёнова, только одни его регулярные войска насчитывали более 20 тысяч человек. Они были разоружены и интернированы в так называемых «цицикарских лагерях», после чего переселены китайцами в район Гродеково на юге Приморья. Третий поток — концом 1922 года, когда в регионе окончательно установилась советская власть (морем выехали лишь несколько тысяч человек), основной поток беженцев направлялся из Приморья в Маньчжурию и Корею, в Китай, на КВЖД их, за некоторыми исключениями, не пропускали, а некоторых даже выслали в Советскую Россию. Правовое положение эмигрантов: 15 декабря 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР был принят декрет, согласно которому с момента его издания лишались прав российского гражданства лица нижепоименованных категорий: а) лица, пробывшие за границей непрерывно свыше 5 лет и не получившие от советских представительств заграничных

в селе Мазунино без мужа и вообще без сильной мужской

паспортов или соответствующих удостоверений до 1 июня 1922 г. (этот срок не распространялся на страны, где не было представительств РСФСР, в каковых странах означенный срок должен был быть установлен после учреждения таковых представительств); б) лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти; в) лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти, или участвовавших в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях; г) лица, имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения срока таковой; д) лица, не подходящие под п. «а», находящиеся за границей и не зарегистрировавшиеся в указанный в п. «а» и в примечаниях к нему срок в заграничных представительствах РСФСР. Таким образом, эмигранты оказывались лицами без гражданства. Их права защищали как прежние российские посольства и консульства, по мере признания соответствующими государствами РСФСР и, затем, СССР превратившимися в негосударственные организации, так и вновь возникшие организации. 27 июня 1921 г. сессия Совета Лиги наций приняла решение создать должность Верховного комиссара по делам русских беженцев. Им стал Фритьоф Нансен. В 1922 г. появились нансеновские паспорта для эмигрантов из России. Русскоподданное население в Харбине и полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги до революции 1917 года было довольно многочисленно – несколько десятков тысяч человек. Туда входили люди разных национальностей: русские, евреи, поляки, латыши, татары, грузины, армяне и т.д. Все это население можно было разделить на две значительные группы: 1) служащие и рабочие Китайской Восточной железной дороги; 2) коммерсанты и предприниматели вообще. С развитием и углублением революции в России Харбин стал заполняться беженцами и эмигрантами. Весной 1918 года в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги появилось несколько вооруженных русских белых отрядов, из которых наибольшую известность приобрел отряд атамана Семенова, расположившийся на станциях Маньчжурия и Хайлар. После изгнания большевиков из Сибири приток русских в Маньчжурию временно приостановился до 1920 года, когда он снова возрос в значительной степени. В продолжение первых трех лет революции, в 1917–1919 годах, Китайская Восточная железная дорога находилась в тяжелом положении, испытывая политические и финансовые затруднения, но управ-

руки. Ими были пережиты недавние времена, когда родная

лялась, однако, на тех же основаниях, что и до революции. Китайское правительство, выжидая результата Гражданской войны в России, не пыталось пока предпринимать каких-либо решительных наступательных действий против русских интересов на железной дороге. В 1920 году, когда Гражданская война в России закончилась поражением белых сил, положение дел радикально изменилось, и китайцы перешли в наступление. Они уволили со службы управляющего дорогой, генерала Д. Л. Хорвата, ввели по собственному усмотрению в состав правления дороги трех китайцев, распустили русскую железнодорожную охрану дороги и ее полицию, закрыли русскую почту и т.д. Односторонние действия китайских властей вызвали протест со стороны Русско-Азиатского банка, имевшего значительные интересы на Китайской Восточной железной дороге. Протест этот был поддержан французским правительством, и в результате 2 октября 1920 года между Русско-Азиатским банком и правительством Китая последовало соглашение, в силу которого дорога была признана смешанным русско-китайским предприятием. Выбранное на новых началах правление дороги назначило управляющим дорогой инженера Б. В. Остроумова, который решительными действиями в короткий срок привел дорогу в порядок и повысил ее доходность. Такое положение дел на дороге существовало до весны 1924 года. За это время многие из русских эмигрантов и беженцев смогли устроиться на службу на этой дороге и много посодействовали повышению ее работоспособности. Русские эмигранты импортировали с собой в Маньчжурию большие знания и культурные навыки. В короткое время ими были созданы в Харбине три высших учебных заведения, организован лучший в Маньчжурии музей. Затем они усилили издательскую деятельность и во многом посодействовали научному изучению края. Часть эмигрантов ввезла с собою некоторый капитал в виде ценностей всякого рода, а иногда и имущества. Так, русскими пароходоладельцами с Амура были приведены в Харбин почти все пароходы, что повело к оживлению плавания на реке Сунгари. Можно отметить далее, что нередко русскими эмигрантами создавались и совершенно новые для Маньчжурии отрасли промышленности и торговли, как, например, маслоделие, сыроварение, виноделие, изготовление консервов и т.д. Поселившись на новых местах, русское население вскоре же занялось здесь мирной сельскохозяйственной деятельностью, приступило к распашке земель и разведению скота. С течением времени в Барге

земля, разрываясь от гражданской войны и корчась в му-

стало успешно развиваться и русское промышленное маслоделие, сыроварение – также новые отрасли промышленности в этом крае. С 1921 по 1923 год включительно на территории Китая не функционировало никаких дипломатических учреждений, и русские интересы здесь были оставлены на произвол судьбы, не имея более представительства перед китайцами и не пользуясь никакой организованной защитой и охраной. В 1924 году советская власть была признана Китаем, и на территории его были открыты и стали работать советская дипломатическая миссия, советские консульства и торговые представительства. Затем все они вместе взятые потратили немало средств и энергии на разжигание в Китае классовой розни и возбуждение китайских народных масс против иностранцев, проживающих в стране. Еще перед признанием Китаем советской власти русское население здесь сильно увеличилось благодаря наплыву эмигрантов и беженцев Советской России. К обозначенному времени оно уже делилось на три основные группы: 1) старожилы, т.е. лица, которые обосновались и жили в Китае еще до революции 1917 года; 2) эмигранты и беженцы, начавшие прибывать в Китай с 1918 года; 3) советско-подданные, чья численность стала быстро увеличиваться со времени признания Китаем Советской России. Главными центрами расселения эмиграции в Китае стали портовые города, такие как: Шанхай, Циндао, Тяньцзинь, Харбин, Чанчунь, Мукден и др. Иностранцы концессии Шанхая и Тяньцзиня предоставляли спокойные пристанища для русских беженцев, и здесь многие из них начали свою новую трудовую и мирную жизнь. В этих городах обосновалось много русских беженцев, прибывших сюда из Монголии и Китайского Туркестана, – офицеры, казаки и солдаты отрядов Дутова, Бакича, Анненкова и Сокольникового, а также приехавших из Кореи после занятия Владивостока советскими войсками в 1922 году. В отличие от исхода русских белых войск на территории Европейских стран, отступление от Урала на восток не может не поразить количеством жертв, понесенных при этом отступлении. «Великий отход» в пределах Азии принес преждевременную гибель многим вождям больших и малых отдельных воинских частей русской белой армии. Имена погибших в этой жестокой борьбе за Русскую национальную идею: – Верховный правитель адмирал Колчак; – первый министр адмирала Колчака – Пепеляев; – генерал Каппель; – генерал Бакич; – барон Унгерн; – атаман Дутов; – атаман Анненков; – атаман Калмыков; – атаман Кайгородов; – полковник

ках, со страхом выносила суровые натиски отрядов продразверстки. Прожито безжалостное время военного коммунизма, бунты и восстания крестьян. Времена, когда на Урале и в Сибири, утопая в собственной крови, менялась власть. Родной край переходил из рук в руки – от «большевиков» к «белым»⁵ и обратно, отбитый отрядами «Красной армии».

Однако и в двадцатые годы двадцатого столетия всё ещё велась беспощадная борьба. Советская власть продолжала кровавую кампанию против религии. Коммунистами, с революционным рвением и фанатизмом, разрушались храмы и мечети, запрещались культовые обряды и обычаи – венчание, крещение, отпевание и другие. Физически уничтожались духовенство, проводилась конфискация церковных ценностей.

На глазах семьи Паластровых разгромили и разграбили Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской монастырь, строительству которого помогали Алексей Павлович и Василий Алексеевич – вложившие в него всю душу и свои силы. В марте 1923 года, монастырь был окончательно закрыт. Когда стали убивать священников и гнать из обители монахов, Ирина Евлампьевна, не колеблясь, решила, что «пора»! Обсудила с детьми. Старшие девочки – Анастасия, Клавдия и Августа – решили остаться в

Казагранди и многие другие.

⁵ С 24 февраля до начала июля 1919 года в Пермском крае, а так же и в селе Мазунино были «колчаковцы» под командованием генерала Вержбицкого.

России.

В 1924 году Фёкла интуитивно ощущая конец временам НЭПа⁶, занялась паспортами⁷ и визами⁸ на выезд из России

⁶ К началу 20-х годов, после войн и революций, Россия оказалась в состоянии глубокого экономического кризиса. Большевистское правительство было вынуждено совершить «экономический манёвр» – и перейти к НЭПу: 1921 – 1929 гг., новая экономическая политика, провозглашенная большевистской властью в 1921 году – Особая политика Советского государства, рассчитанная на временное допущение «капиталистических» элементов к экономике «пролетарского» государства, при сохранении командных высот в руках государственной власти с целью построения фундамента «новой экономической» модели. Что позволило, с 1923 года, советской власти вступить в полосу хозяйственного подъёма, напитать экономику финансами, и к 1925 году завершить восстановительный процесс экономики.

⁷ Законом от 24 января 1922 года, всем гражданам Советской России было предоставлено право свободного передвижения по всей территории СССР. Декретом ВЦИК от 20 июля 1923 года: «Об удостоверении личности» – паспортная система была отменена, и местным властям было запрещено требовать от граждан РСФСР обязательного предъявления паспортов, а так же иных видов на жительство. Граждане, в случае необходимости, могли получить удостоверение личности, но это становилось их правом, а не обязанностью. В течение, почти всех двадцатых годов существования советской власти, сохранялся от носительно свободный выезд за рубеж советских граждан. Так как в это время были живы ещё многие демократические свободы, завоеванные идеями и кровью мирового пролетариата, которыми Россия успела воспользоваться в первое десятилетие двадцатого века. И выезд за рубеж, в целях воссоединения с родственниками или в целях поселения в другой стране, не рассматривался советскими властями в качестве контрреволюционного действия. Потому, вплоть до 1927 года, легальная эмиграция (выезд с разрешения властей) осуществлялась практически беспрепятственно. До 31 декабря 1923 года действительные удостоверения граждан РСФСР выдавались в обмен видов на жительство, после этого срока требовалось предоставление актовых или метрических выписок о рождении, справок домоуправлений, сельсоветов, справок с места работы или

в Китай. Подготовила Зою и Колю. Зоя заканчивала третий

службы. В каждое удостоверение вносились данные о времени и месте рождения лица, месте его постоянного жительства, роде занятий, отношении к воинской повинности, семейном положении. Сюда же вносились малолетние, до 16 лет, лица, находившиеся на иждивении владельца удостоверения. В документ заверенный печатью учреждения, его выдавшего, по желанию владельца могла быть вклеена фотография. Такой документ был действителен в течение трех лет, после чего подлежал обмену. Теперь он становился основанием для выдачи лицу заграничного паспорта. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. «Об удостоверении личности» // СУ РСФСР. 1923.

⁸ С образованием Союза Советских Социалистических Республик порядок выезда за границу советских граждан стал регулироваться союзным законодательством. Одним из первых законов стало «Положение о въезде в пределы СССР и о выезде из пределов СССР», принятое ЦИКом и СНК СССР 5 июня 1925 г. В значительной степени новый закон копировал старый. В частности, как и прежде, выезд осуществлялся с выдачей общегражданского заграничного паспорта, имевшего силу в течение указанного в нем срока действия, который мог быть продлен полномочными представительствами и консульствами СССР за границей. Этот срок определялся теперь в три месяца до выезда за границу и в один год со дня фактического выезда из пределов СССР. Срок мог быть возобновлен, но с обязательной оплатой, установленного за выдачу паспорта сбора. Положение о въезде в пределы Союза ССР и о выезде из пределов Союза ССР // СЗ СССР. 1925. N 37. Ст. 277. Гражданам СССР выдавались для выезда из его пределов, для проживания за границей и для возвращения в пределы СССР заграничные паспорта трех видов: общегражданские, служебные и дипломатические. Консульский сбор устанавливался только за общегражданские паспорта, а также за визу национальных иностранных паспортов по единому тарифу, если иной тариф не был предусмотрен специальными соглашениями с иностранными правительствами на основе взаимности. Выдача общегражданских заграничных паспортов и наложение визы на выезд возлагались на НКВД союзных республик и на особо уполномоченные этими комиссариатами местные органы (административные отделы (АО) управлений). Денежный сбор за общегражданские паспорта был установлен Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 9 ноября 1926 г.. Он зависел от социального положения заявителя. Для «тру-

класс сельской школы. Сборы были тщательными и усерд-

дящихся» (рабочих, служащих, крестьян, кустарей, выезжающих по частным делам или командированным частными предприятиями, акционерными обществами и др. учреждениями), он составлял 200 руб. (средний месячный оклад высококвалифицированного рабочего или служащего); с граждан, «живущих на нетрудовые доходы», и с находящихся на их иждивении членов их семей – 300 руб. Сбор взыскивался при подаче заявления и возвращался в случае отказа в паспорте с удержанием 10% от суммы. Заявка на визу стоила 5 руб., если с обратной визой, то 10 руб. При неиспользовании загранпаспорта или визы взысканный за них сбор возврату не подлежал. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР о сборах, взимаемых органами НКВД за выдачу общегражданских заграничных паспортов, разрешений и виз на въезд в СССР и выезд из Союза ССР и видов на жительство для иностранцев // Там же. 1926. N 27. Ст. 167. Там же; см. также: циркуляр НКВД от 9 декабря 1926 г. о применении постановления // ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1091. Л. 13. Постановление вводило льготы для граждан, принадлежащих к неимущим слоям населения, которые оговаривались в специальной инструкции Наркомата финансов, его сопровождавшей. Льготы предоставлялись «в исключительном случае» гражданам, «принадлежащим к трудовым категориям», выезжающим за рубеж по частным делам, в целях лечения, свидания с родственниками или эмиграции. Закон делил их на две категории. Льготой 1-й категории, ставка для которой составляла 50 руб., могли пользоваться лица, не подлежащие обложению подоходным налогом, крестьяне, предоставившие справки волостных исполкомов о том, что их сельхозналог с доходов своего хозяйства не превышает пятикратный необлагаемый минимум. Льготная ставка 2-й категории в 100 руб. предоставлялась рабочим и служащим, чей месячный заработок не превышал 250 руб. Ею могли пользоваться также обладатели справок финансовых органов об уплате налога с дохода, который у рабочих и служащих не превышал 3000 руб. в год, а у кустарей, ремесленников и прочих лиц, «извлекающих средства личным трудом не по найму», – 1000 руб. В сомнительных случаях АО могли требовать от претендентов на льготу дополнительные документы: патенты, членские билеты профсоюзов, удостоверения с места службы, справки о подоходном налоге и т. п. Они были вправе «путем опроса» выявить также, не проживает ли заявитель на иждивении других лиц, не имеет ли каких-либо источников существования, проверить

НЫМИ.

через органы милиции его имущественное положение. За дачу ложных показаний устанавливалась уголовная ответственность. Льготой можно было воспользоваться только один раз, при повторном выезде следовало платить по нормальной ставке. ГАНО. Л. 18 – 22. На бесплатный выезд могли претендовать члены семей лиц, получающих государственную пенсию в порядке социального обеспечения, и некоторые другие необеспеченные лица. Уголовная ответственность устанавливалась и за неправильное оформление заявителем прилагавшегося к заявлению «опросного листа», состоявшего из 22 пунктов. В нем особенно тщательно исследовалось положение лица до революции 1917 г. (какое имел занятие, звание, на какие средства жил, владел ли недвижимым имуществом или капиталами) и столь же обстоятельно – его послереволюционное прошлое. Необходимо было указать «все пункты местожительства после революции 1917 г.», все занятия, «причем по каждому периоду деятельности указать в отдельности, особо оговорив при этом причины перемены занятий». Следовало написать о том, получает ли лицо пособие от государства, с какого времени и в каких размерах, и на какие средства жило до его получения. Указывались источники дохода, служащие средством к существованию, владение имуществом (с описанием и оценкой стоимости по средним рыночным ценам), «ежемесячные расходы по существованию» (с отдельным указанием расходов по квартире, столу и пр.). В обязательный перечень сведений о лице, намеревавшемся выехать за рубеж, входили также данные о домочадцах и возможных содержателях на иждивении, а также обо всех без исключения родственниках, которые оно имеет (с указанием фамилий, имен, отчеств, степени родства, точного адреса проживания, занятий и средств, на которые они живут). Такие же подробные данные лицу следовало представлять и о родственниках, живущих за границей и оказывающих или не оказывающих материальную помощь и состоящих или не состоящих с ним в переписке. Большое внимание уделялось предстоящей поездке за границу (срок, первая она, или уже имел место выезд после 1917 г., на какие средства он осуществлялся и предполагается осуществить и т. д.). Последний пункт требовал указать состояние или несостояние лица под судом и следствием, и если да, то по обвинению в чем. Правильность заполнения листа свидетельствовали подписи не менее двух лиц, лично знающих заявителя. Подписи их заверялись в установленном порядке с указанием точного адреса постоянно-

Приложив немалые усилия и «выправив» документы Ирины Евлампьевне с детьми, Фёкла раздобыла им билеты на по-

го жительства свидетелей. Кроме того, ответы на вопросы о государственном пособии подтверждались справками соответствующих органов, а ответы на вопросы об имущественном положении и о несостоянии на иждивении заверялись домоуправлением, жилищным товариществом, органами милиции или районными исполнительными комитетами. Все ответы должны были быть «по возможности полными и освещать затронутые вопросы со всех сторон». Форма опросного листа // ГАНУ. Л. 23 – 24 Можно констатировать тот факт, что НКВД получал в результате полный банк данных о лицах, выезжавших за рубеж в 1920-е – начале 1930-х годов, когда выезд еще был возможен, а также об их родственниках. Они сыграли важную роль в период массового террора при определении контингентов, подлежащих репрессиям. К циркуляру от 9 декабря 1926 г. прилагался секретный дополнительный циркуляр, которым было указано отказывать в льготах лицам, лишенным избирательных прав, состоящим под судом и следствием, пользующимся пособиями (пенсионерам, безработным). Среди перечисленных категорий находились и лица, выезжающие за границу на постоянное местожительство. Не освобождались от сборов даже «административно-высланные», то есть те, кому вместо высылки в пределах РСФСР разрешалось выехать за границу. Добиться снижения сбора или даже освобождения от него можно было по ходатайству профсоюзной или общественной организации, разрешению ОГПУ. Оно касалось лиц, «имеющих заслуги» или «едущих по командировкам политорганов». Окончательное решение по ним, после имущественного обследования органами милиции, принимал НКВД. Льготы могли получить также не обеспеченные материально политэмигранты, реэмигрирующие из СССР. ГАНУ. Л. 30 – 31. Относительно либеральная политика Советского государства в отношении выезда за рубеж российских граждан завершилась с началом коллективизации, когда тонкий ручеек из желающих выехать из страны превратился в мощный необратимый поток. С сентября 1929 г. все льготы для выезжающих за рубеж, кроме едущих на лечение и членов семей иностранцев, возвращающихся домой на постоянное жительство, были сняты. К середине 1930-х годов утвердившийся в СССР политический режим практически закрыл для советских граждан выезд за пределы страны.

езд⁹. Сама же Фёкла, предпочла остаться со своими сёстрами в России. Ирине Евлампьевне, Зое и Коле предстоял долгий путь¹⁰ в неизвестность.

Почти двенадцать тысяч вёрст они преодолели менее чем за месяц. Зое (по документам) было десять лет, Коле на год меньше, когда они покинули Родину.

⁹ Транссибирская магистраль: Пермь – Екатеринбург – Омск – Новосибирск – Иркутск – Чита; КВЖД: Маньчжурия – Харбин – Чанчунь.

¹⁰ КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) – 2377 верст (2536 км). Маршрут: Маньчжурия – Харбин – Пограничный; Харбин – Чанчунь – Порт-Артур, железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Дорога построена в 1897—1903 годах, как южная ветка Транссибирской магистрали. Время движения скорого поезда от Москвы до Порт-Артура составляло 13 суток и 4 часа. Пассажирского поезда – 16 суток и 14 часов. Билет «первого класса» в скором поезде стоил 272 рубля. Стоимость билета «третьего класса» в пассажирском поезде составлял – 64 рубля. Транссибирская магистраль – имеет длину 9288,2 км. Маршрут: Москва – Владивосток.

Не сохранилось никаких воспоминаний о том, как и почему Зое поменяли год рождения в документах (с 1913 го-

да на 1914 год). Предположительно, Фёкле Алексеевне пришлось так поступить, чтобы не переплачивать за удостоверения личности и «консульский сбор» во время оформления виз на детей. Принимая во внимание, вероятно действующее в то время «Постановление ЦИК и СНК Союза ССР о сборах, взимаемых органами НКВД за выдачу общегражданских заграничных паспортов, разрешений и виз на выезд из Союза ССР». Возможно что, тоже «Постановление» предоставляло льготы гражданам с несовершеннолетними и малолетними детьми, принадлежащим к неимущим слоям населения, которые оговаривались в «специальной инструкции Наркомата финансов», его сопровождавшей. Такие льготы могли предоставляться только «в исключительном случае» гражданам, «принадлежащим к трудовым категориям», выезжающим за рубеж по частным делам, в целях «лечения, свидания с родственниками или эмиграции».

Как нет воспоминаний и свидетельств о том, с какими трудностями столкнулись они на своем пути, в каких условиях они ехали по «Транссибу» и «КВЖД», где и в каких местах пересаживались с поезда на поезд, где и какие совершали переходы. Чем питались и чего им это стоило. В любом случае, не смотря ни на что, они добрались до Китайского города Чанчунь, где их давно и с нетерпением ждали.

Алексей Павлович и Василий Алексеевич, с момента дошедшей до них в 1918 году тревожной весточки из дома, во-

лей-неволей адаптировались на чужбине. За время разлуки с семьёй они сумели приспособиться к жизни в Китае и в ожидании семьи открыли в Чанчунье собственную «Галантерейную лавку», где продавали швейные иголки с золотыми ушками, булавки, пуговицы, шелковые разноцветные нитки, костяные гребешки, заколки и другие нужные в быту товары – такие как часы и будильники. А ещё варили и продавали карамель – петушков на палочке. Василий Алексеевич снова женился, его избранницу звали Мария Филипповна¹¹, она была сиротой.

¹¹ После воссоединения семьи дети будут её звать «тётя Маня».

Иван

Село Алексеевское расположено на левом берегу Камы в 108 км от Казани.

В 1918 году Казанская губерния оказалась в самом центре военного противостояния «красных» и «белых». С точки зрения военной стратегии «Белой армии» было жизненно необходимо завладеть Казанью. Не смотря на категорический запрет Станислава Чечека¹² наступать на Казань, его

¹² Станислав Чечек – с середины июля 1918 года генерал-майор – командующий

подчиненные, подполковник Каппель и полковник Степанов, проигнорировали приказ и по собственной инициативе решили взять Казань.

6 августа 1918 года, невзирая на девятикратное превосходство «Красной армии», отрядами «Белой гвардии» под командованием подполковника Каппеля, Казань была взята. Сработал эффект неожиданности.

Было слышно, как по правому берегу Камы работала артиллерия «красных», доставалось и Алексеевскому – с левого берега били по железной дороге.

Иван вытащил из голенища сапога бархотку и до блеска начистил черные сапоги из юфтовой кожи. Аккуратно заправил под ремень гимнастерку. Снял картуз и вошел в низенькое здание, где было организовано «бюро записи в Добровольческую армию».

В помещениях было шумно, и царила суета. По этажам быстрыми шагами перемещались офицеры и казаки, мялись гражданские. Солдаты с винтовками стояли у дверей. Где-то беспрестанно чеканил телеграф. Воздух пропах махоркой, ваксой и потом.

– Где записывают? – ткнув плечом проносившегося мимо казака, спросил Иван.

– Там, там – отмахнулся казачок.

Иван осмотрел длинный коридор, соображая, что к чему.

В кабинет стояла небольшая очередь из нескольких человек. Дверь кабинета приоткрылась, из неё высунулся штабс-капитан:

– Добровольцы на запись есть?

– Я! – в тот же миг подскочил к нему, не раздумывая,

Иван.

– Заходи, быстро! – Иван прошёл в канцелярию.

– Кем будешь? – строго спросил офицер.

Иван представился.

– Что можешь?

Иван коротко доложил.

– Ага, отлично! Значит, в технике разбираешься и на коне держишься? – постучал «штабс» костяшками пальцев по столу, – Жалеть не будешь? Мать не потеряет?

– Никак нет! Мать, отец в курсе, нас десять у них, я последний. «Красные» забрали всё, один чёрт всех не прокормить.

– Да-да..., понятно, – посмотрел в окно офицер, – ну, раз так... Нам позарез нужен телеграфист. Слышишь, «машина» тарыхтит? М-м-м-м! Зашиваемся, брат!

Несколько раз одни и те же населённые пункты и железнодорожные станции переходили из рук в руки. В первой половине августа «Красные» перешли в наступление, но были отброшены обратно. Части «Красной армии» перегруппиро-

вались, объединились и во второй половине августа нанесли свой главный удар с запада и с севера, по обеим сторонам реки. Им в помощь прибыли и другие части. Кроме того, прибыла Волжская военная флотилия, усиленная тремя миноносцами и самолетами, так же РККА им были переданы бронепоезда «Свободная Россия» и «Стенька Разин».

В главный штаб Восточного фронта РККА, расположенный в Свияжске, прибыл нарком по военно-морским делам Лев Давидович Троцкий – прославившийся массовыми расстрелами, проводя для «укрепления дисциплины» показательную «децимацию»¹³.

27 августа 1918 года под Казань снова был переброшен отряд В.О.Каппеля (4000 штыков и сабель), только что отбивший наступление первой армии Тухачевского на Симбирск. В ночь с 28 на 29 августа «белогвардейцы высадились» у Нижнего Услона, отбросили «красноармейские» части и вышли к Свияжску. Здесь бои носили самый ожесточённый характер. «Красные» нанесли по отряду Каппеля контрудар. Их численное превосходство вынудило Каппеля отказаться от первоначального плана и отойти по тылам противника к Казани. Во время этого маневра в тыл красных была внесена сумятица, разрушена железная дорога, захвачены трофеи, взята станция Тюрлема, где в плен чуть было не попал сам Троцкий, однако сорвать наступление большевиков не удалось. В то же время вновь осложнилась обста-

¹³ Децимация – расстрел каждого десятого.

новка под Симбирском, и отряду Каппеля пришлось отправиться на его оборону.

Ивану, как он думал, за это время пришлось «будь здоров как» набегаться, напрыгаться, наскакаться и наползаться, налаживая бесперебойную связь и собирая лаконичные тексты из того, что поступало с лент телеграфного аппарата. Одежда поносилась и просила хорошей стирки, а сапоги ремонта. Его кожа требовала хорошенько помыться, но такого случая никак не предоставлялось. Одним словом – «беда».

Однажды, он стал свидетелем, как утром 5 сентября 1918 года, после артиллерийской подготовки, началось наступление «Красных», и суда их флотилии, спускаясь по течению, поддерживая огнём наступающие части «Красной армии», вступили в перестрелку с артиллерийскими батареями «Белых». Он видел как в этой артиллерийской дуэли, погибли пароходы «Дельфин» и «Ташкент», при этом комендоры «Ташкента» продолжали вести огонь из кормового орудия, пока судно не затонуло.

А 7 сентября два самолёта «Красной армии», с высоты пятисот метров, несмотря на встретивший их ружейно-пулемётный огонь, сбросили бомбы на позиции «Белых» в Казани.

После, 9 сентября 1918 года, части «Красных» заняли села Верхний и Нижний Услон. И с господствующей над Казанью высоты, начали вести орудийный огонь по позици-

ям «Белых». Четыре канонерских лодки Волжской флотилии «Красной армии», под прикрытием артиллерийского огня подавили пулемётным огнём расчеты артиллерийских батарей «Белых» и высадили на пристани десант. Но после того как из городского кремля по десанту и кораблям был открыт ответный артиллерийский огонь, десантники вернулись на корабли. Особенно жестокие бои шли за железнодорожный узел. Он несколько раз переходил из рук в руки.

Ночью с 9 на 10 сентября миноносцы «Прыткий» и «Ретивый» высадили еще один, более крупный десант – сводный батальон солдат и матросов. Однако, отбив атаки «Красных», утром 10 сентября полковник Степанов объявил об эвакуации Казани. Сил «Народной Армии»¹⁴ для обороны города было явно недостаточно. Её отряды организованно оставили Казань. Вместе с ними город спешно покинуло несколько десятков тысяч человек, в основном это были представители интеллигенции, служащие и духовенство. К двум часам дня 10 сентября опустевшая Казань была захва-

¹⁴ 23 сентября 1918 года в Уфе на Государственном совещании была образована Уфимская директория (Временное всероссийское правительство), объединившая и заменившая собой КОМУЧ, и соперничавшее с ним Временное Сибирское правительство. Директория должна была передать власть Учредительному собранию после возобновления последним своей деятельности. 28 сентября 1918 года генерал В. Г. Болдырев был назначен верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами России. «Народная армия» формально прекратила своё существование, войдя в состав «Общерусской», была пополнена и переформирована в «Сводный второй Уфимский корпус».

чена «Красной армией». В ходе жестоких боёв с войсками «Красной армии» Казань удержать не удалось. С 10 по 12 сентября «Белые» всё же покинули город.

Иван даже не предполагал, что офицерами подполковника Каппеля и полковника Степанова из Казани были вывезены склады с вооружением, боеприпасами, медикаментами, амуницией и золотым запасом России (650 миллионов золотых рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, слитки золота, платины и другие ценности). Он просто изо всех сил старался выжить, сохраняя свою честь и достоинство.

В последующие дни Волжская флотилия «Красных» продолжала настойчиво преследовать отходившую к устью Камы флотилию «Белых», с боями пробивающуюся к Чистополю. Каппель подошёл к Симбирску, но его усилия оказались тщетны, он опоздал, город уже эвакуировался. Упорные попытки его бригады вернуть город успехом не увенчались.

После описанных выше событий бригада Каппеля, сохранившая свою боеспособность, сдерживала наступления «Красных» на Уфу и Бугульму, одновременно прикрывая отступление из-под Казани Северной группы полковника Степанова.

С 3 октября части под командованием Каппеля, изрядно потрепанные боями, начали отступать на Уфу.

Ноги... Распаренные и замёрзшие в переходах ноги закисли. Иван, перематывая изрядно потрепанные портянки,

смотрел на свои ногти. Это были уже не юношеские ноготки, а когти хищного матерого зверя – круглые, мощные и не поддающиеся стали. Он пытался их пилить, ломать и точить, но тщетно, ничто не помогало – это были когти мощного монстра. От его родных ногтей ничего не осталось. И он сам, огрубел и очерствел, как кряж засохшего дерева, которое ему встретилось в чаще леса.

После тяжелых поражений. Потери Урала, Омска, Томска, Новониколаевска, Иркутска, Красноярска и многих других городов с их окраинами, во время «Великого Сибирского Ледяного похода»¹⁵ «Сибирская армия»¹⁶ белых» отступила в Забайкалье. Когда по льду переходили через реку Кан (приток Енисея), генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель отморозил ноги, перенес их частичную ампутацию и тяжело заболел воспалением легких.

21 января 1920 года, окончательно выбившись из сил, Каппель передал командование генералу С.Н. Войцеховско-

¹⁵ *Великий Сибирский Ледяной поход* – так назвали одно из самых драматичных событий в истории белого движения – отступление армии Колчака. В тяжелейших условиях было пройдено не менее 2000 километров: от Омска до Красноярска, от Красноярска по Енисею и реке Кан до Канска, и оттуда до озера Байкал. Поход продолжался с ноября 1919 года до февраля 1920 года.

¹⁶ Сибирская армия – создана в июне 1918 года в Ново-Николаевске по распоряжению Временного Сибирского правительства под наименованием «Западно-Сибирская добровольческая армия», с конца июля 1918 года – Сибирская добровольческая армия (Сибирская армия). В июне – декабре 1918 года штаб Сибирской армии одновременно исполнял функции штаба всех белых сил Сибири.

му. Скончался Владимир Оскарович 26 января 1920 года.

После смерти Каппеля, 6 февраля 1920 года «Белые» пробились к Иркутску. Но взять город они были уже не в состоянии. Попытка добиться освобождения адмирала Колчака успехом не увенчалась – 7 февраля 1920 года бывший Верховный правитель был расстрелян.

В феврале 1920 года остатки частей В.О. Каппеля под командованием С. Н. Войцеховского соединились с войсками Г. М. Семёнова¹⁷. 20 февраля 1920 года в Забайкалье Вер-

¹⁷ Григорий Михайлович Семёнов (13 (25) сентября 1890 – 30 августа 1946) – казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии. «Опираясь на японские штыки, атаман Семенов объявил себя вождем казачества в Забайкалье и поставил своей целью уничтожение Советской власти в этом крае. С этого времени он открыл счет своим кровавым делам. 29 января 1918 года под покровом ночи Семенов во главе своей банды перешел границу возле станции Маньчжурия и сразу учинил кровавую расправу над рабочей дружиной и членами местного Совета. Его изуверские действия, которые он совершал настолько спокойно и обычно, как будто срезал кочан капусты или вырывал куст картошки, характеризует разговор, состоявшийся по телефону между ним и работником Читинского Совета. – Что произошло на станции Маньчжурия? – Ничего. Все стало спокойно. Ваши красногвардейцы и советчики мне уже не мешают. – Как это понять? Вы их расстреляли? – Нет. Я их не расстрелял. У меня патроны ценятся очень дорого. Я их повесил. Вагон с трупами Семенов приказал начальнику станции отправить в Читку для устрашения большевиков. Где бы ни появлялись банды Семенова, везде они оставляли трупы и пожарища. С особым садизмом расправлялся с неудобными ему людьми атаман Семенов в станции Дурулгуевской, где он родился и знал настроения каждого жителя – здесь он распоряжался, как известный средневековый монгольский полководец хромой Тимур: кого вешал, кого запарывал нагайками. Продвигаясь к Чите, семеновские банды захватили станции Борзя и Оловянную. И здесь они оставили после себя десятки расстрелянных и по-

ХОВНЫЙ Главнокомандующий Восточным фронтом Г. М. Се-

вешенных. Белогвардейские части под командованием Семенова, Бакиеева и Владсьевского, оснащенные японским оружием, на протяжении нескольких лет вели активную борьбу против Красной Армии и партизанских отрядов. В захваченных районах они грабили население, проводили насильственную мобилизацию в свою армию, сжигали деревни за сочувствие жителей Советской власти. Семенов и его подручные вместе с японскими оккупантами несут ответственность за убийство руководителя партизанского движения на Дальнем Востоке Сергея Лазо. О тяжких преступлениях, совершенных отрядами атамана Семенова, свидетельствуют документы, сохранившиеся в государственном архиве Читинской области. Акишинский уездный комиссар в рапорте от 27 декабря 1918 года доносил забайкальскому областному комиссару Временного правительства об убийствах, грабежах и насилиях «семеновцев» в Акишинском уезде. В рапорте указывалось, что по прибытии в город Актю особого экспедиционного отряда под командой штаб-ротмистра Тонкова последний затребовал от уездной следственной комиссии списки лиц, служивших в Красной Армии как добровольно, так и призванных в нее. Затем включенные в этот список были доставлены в караульную комнату, где семеновцы пороли их нагайками. Некоторые получили до двухсот ударов и, по существу, были изувечены. После пьяных оргий хватали первых попавшихся на глаза мужчин, рубили шапками просто для потехи. Были случаи изнасилования женщин. У местного населения реквизировали все подряд: продукты, лошадей, упряжь. 9 мая 1919 года третьим Войсковым кругом Г. М. Семёнов избран войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска. По соглашению с атаманами Амурским и Уссурийским он принял должность Походного атамана Забайкальцев, Амурицев и Уссурийцев со штабом на станции Даурия Забайкальской железной дороги. Приказом А. В. Колчака от 25 мая 1919 года № 136 Г. М. Семёнов назначен командиром 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, в который по приказу Колчака № 470 была переформирована Отдельная Восточно-Сибирская армия, входившие в которую корпуса стали дивизиями. 18 июля Семёнов был назначен помощником главного начальника Приамурского края и помощником командующего войсками Приамурского военного округа с производством в генерал-майоры, 23 декабря – командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов на правах главнокомандующего армиями с производством в генерал-лейтенанты. Чис-

мёнов из трёх корпусов войск Восточного фронта Русской

ло лиц, казнённых семёновцами в Забайкалье, неизвестно. Наиболее крупные места заключения располагались на станции Даурия, где были расквартированы войска номинально подчинявшегося Семёнову барона Унгерна, и Маккавеево, где командовал А. И. Тирбах. В Кяхте семёновцами был организован застенок, в который свозились для физического истребления неблагонадёжные из Западной Сибири и Дальнего Востока. Считается, что только в городской тюрьме было уничтожено свыше 1500 человек. 1 и 5 января 1920 года было расстреляно 481 человек. Отличались жестокостью казаки отрядов Семёнова, возглавляемые генералами Тирбахом, Унгерном, а также карательные отряды Чистохина и Фильпина. Л. Ф. Власьевский (бывший начальник личной канцелярии атамана Семёнова и затем начальник казачьего отдела штаба Дальневосточной армии Семёнова): «Об Унгерне ходили легенды. Он был очень жесток. Не щадил ни женщин, ни детей. По его приказанию уничтожалось население целых деревень. И сам он лично с наслаждением расстреливал обречённых на смерть. Таким же жестоким был и начальник особой карательной дивизии семёновской армии генерал Тирбах. Штаб его дивизии находился в местечке Маккавеево. Там Тирбах и вершил свой скорый и страшный суд. Однажды насильственно мобилизованные казаки, не желая служить Семёнову, убили своих офицеров, и перешли к партизанам. Вскоре в их станцию прибыл отряд Чистохина. Были собраны все старики. Их запрягли в сани и приказали везти убитых офицеров на кладбище. Там стариков расстреляли, а станцию сожгли». Сам Семёнов относился к этому так: «...в условиях зарождавшейся гражданской войны, всякая мягкотелость и гуманность должны быть отброшены». После расстрела А. В. Колчака Забайкалье на период с января по ноябрь 1920 года стало последним оплотом Белого движения в Сибири. В начале 1920 года генерал-лейтенант Г. М. Семёнов возглавил читинское Правительство Российской восточной окраины». «В конце мая 1921 года Семёнов встречается в Японии с бывшим военным агентом (атташе) Российской Империи в Японии генералом М. П. Подтягиным и послом Д. И. Абрикосовым. Предъявляет требование передачи ему денег и золота, предназначавшихся на закупку снаряжения для армии Колчака и его отрядов в Забайкалье, но получает только 338 тысяч иен. После этого Семёнов на пароходе отправляется во Владивосток, с надеждой возглавить войска Примурского земского края, в которых служило много казаков из Забайкалья. Но

армии сформировал «Дальневосточную армию»¹⁸.

По прибытии в Читу 22 февраля 1920 года «Каппелевцы» (именно так стали неофициально называться чины «Дальневосточной армии») похоронили своего командира в ограде читинской церкви. Позднее, при оставлении ими города, останки генерала Каппеля были перевезены в Харбин и при большом стечении народа перезахоронены у северной стены «Свято-Иверского» храма.

Иван, вместе с «Каппелевцами», обойдя стороной Иркутск, совершил беспрецедентный тяжелейший переход через озеро Байкал, удаляясь в Забайкалье, а затем – в Харбин.

Всю свою жизнь Иван негативно отзывался об атамане Семёнове, ненавидел его методы, его самого и всё, что было связано с именем и поступками «атамана». Он был вынужден уйти со службы в «Белой армии» и скрываться от преследований подручных атамана Семёнова.

в порту Владивостока казаки узнают его, припоминают ему бегство из Читы и даже не дают возможности сойти на берег». Автор текста: Н. Ф. Чистяков «Военная Литература».

¹⁸ Дальневосточная армия – войсковое соединение казачьих и белоповстанческих частей на Дальнем Востоке (20 февраля 1920 г. – 12 сентября 1921 г.), сформирована бывшим атаманом Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенантом Г. М. Семёновым из трёх корпусов войск Восточного фронта, под командованием которого принимала активное участие в боях с Народно-революционной армией Дальневосточной Республики и красными партизанами в Забайкалье с апреля по октябрь 1920 г., создав так называемую «Читинскую пробку». Достигла максимальной численности осенью 1920 г. – 29 тысяч человек. В ноябре 1920 г. Дальневосточная армия перебазировалась в Приморье, где продолжала борьбу до ноября 1922 года.

Иван пересёк границу с Китаем.

II глава

Чанчунь (

#

#

)

После поражения России в войне с Японией, по «Портсмутскому мирному договору» Чанчунь попал в зону контроля Японии и стал одним из основных центров японского присутствия в южной Маньчжурии. Этот провинциальный китайский городок, больше напоминавший традиционную русскую деревню, начал разрастаться лишь со строительством южной ветки КВЖД. Уходящая в южном направлении от Чанчуна железная дорога контролировалась Японией и называлась Южно-Манчжурской железной дорогой (ЮМЖД). Здесь же от станции «Куаньчэнцзы» брала своё начало состоявшая под российским управлением Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Из-за разницы в ширине колеи между двумя станциями работало большое количество носильщиков. Они повсюду сновали и, пытаясь предупредить желания пассажиров, эмоционально предлагали свои услуги.

Железнодорожная станция «Куаньчэнцзы» встретила

Ивана строительством нового здания вокзала¹⁹. Рассмотрев симметричное двухэтажное деревянно-кирпичное здание с четырехугольной железной крышей и заостренной башней в «готическом стиле» на его восточной стороне, Иван нашел «железнодорожный клуб». Наскоро перекусив в буфете клуба, он отправился в город.

Чанчунь отличался от обычных китайских поселений с одноэтажными зданиями, серыми стенами и кровлей из красной черепицы. В городе не было дымящих труб и канов²⁰. Напротив, сложенные из каменно-кирпичных конструкций и дерева городские строения больше отражали русскую архитектуру и культуру. Материалы из камня придавали русским зданиям величественный вид. Постройки были утеплены, а пологие скаты клинообразных крыш, покрытые волнистым листовым железом и серой черепицей, защищали от непогоды. Из крыш зданий торчали каминные и печные трубы. Жилые дома железнодорожников, служащих КВЖД, имели типичные русские дворики с огородами. По обеим сторонам улиц росли крупнолистные тополя. Сло-

¹⁹ *Новое здание железнодорожного вокзала станции «Куаньчэнцзы» построено по проекту японского архитектора Аоки Кикудзиро, его строительство закончено в 1921 году.*

²⁰ *Кан (кит. трад. #, пиньинь: kàng; маньчжурский: nahān), – китайская печь-кроватка. Традиционная система отопления в крестьянских домах северного Китая и Кореи. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам проходил горячий воздух от печи, одновременно являясь дымоходом. Печь, находившаяся у одного из концов лежанки, служила также и для приготовления пищи.*

вом, типичный русский пейзаж. Через город протекает река Итунхэ (###), небольшой приток Сунгари. Приблизительно в двадцати километрах к юго-востоку от Чанчуня раскинулся огромный лесной парк Цзиньюэтань (###) с озером «*Чистой Луны*».

Русское поселение находилось отдельно и насчитывало около трёх тысяч человек. Походя по лавочкам, Иван приотрелся к людям. Послушал, о чем говорят местные жители. На почте спросил, не сдаёт ли кто жильё. Ему дали несколько адресов русских, пускающих к себе «на постой».

Обойдя по адресам несколько домов, он зашел в «галантерейную лавку». В лавчонке несколько покупателей выбрали товар. Выйдя за порог, Иван сел на выносную скамейку возле входа. Опустил рядом свой вещь-мешок и стал ждать, когда уйдут люди. Лишних ушей он осмотрительно старался избегать. Невольно мысли унесли его в раздумья, веки сомкнулись, и незаметно подкралась дрема.

– Что «паря»²¹, сидишь? – перед Иваном стоял молодой мужчина, в коричневой кожаной куртке и военного кроя галфе, он снял кепку и засунул её за голенище хромового сапога, его губы расплылись в широкой улыбке, – Иван! – протянул он правую руку.

Иван на секунду опешил:

– Да, – удивленно уставился на него Иван, лихорадочно пытаюсь понять, что это за человек и откуда он его знает.

– Вы, как будто, по съёму угла, интересуетесь? – наклонился к Ивану молодой человек.

– Да, но...

– Да в почте мне сказали, в почте, – расхохотался, видя растерянность Ивана, мужчина, – а я как раз сожителя ищу! Компаньона, так сказать, для уплаты совместной ренты жилья.

– Ах, вот как! – встал со скамейки Иван и протянул правую руку в ответ, – Иван!

– Да это понятно! – снисходительно улыбнулся молодой человек, – Тебя-то служивый как зовут?

– Так я и говорю, как Вы и сказали, Иван Михайлович! А Вас?

– Что за чёрт? – не в шутку удивился тот, – Я, Иван Михайлович!

– Как это Вы? Шутить изволите? – начал сердиться Иван.

²¹ «Паря» – типичное обращение, распространенное среди русских эмигрантов тех времён.

– Да нет, «паря», это ты, видать «дурака валять» вздумал! – рассердился молодой человек.

На шум возни у входа выбежал хозяин лавки:

– А ну, разойдись! – прикрикнул он, разнимая уже было сцепившихся за грудки молодых людей, – Что не поделили?!

– Моё почтение, Василий Алексеевич, – тяжело дыша, поздоровался с выбежавшим из помещения бородатым хозяином мужчина, – я Вам плату за ренту комнаты принёс, да вот думал, что и жильца ещё одного приведу. Так он дразнится что ли, не пойму, или издевается надо мной!

– Так, «паря», успокойся. Сейчас всё выясним! – притягивая за рукав к себе Ивана, произнёс Василий Алексеевич, – Кто таков?

– Иван Михайлович Ершов! На почте дали адрес. Пришел переговорить на счёт жилья, видно к Вам!

– Ссссссс, – прыснул смехом, приседая молодой человек.

Василий Алексеевич замер в недоумении. Правой ладонью разгладил бороду, левую руку упер в бок:

– Так это, «паря», он же тоже – Иван Михайлович, – глядя Ивану в глаза, показывая пальцем на молодого человека, неуверенно произнёс Василий Алексеевич, – только Номоконов.

Дальнейшая беседа уже протекала в мирном ключе, в доме Василия Алексеевича, за пределами «галантерейной лавки», где к разговору присоединилась Мария Филипповна же-

на Василия Алексеевича:

– Откуда Вы родом, Иван Михайлович? – мягким голосом спросила Мария Филипповна.

– Село Алексеевское, Лаишевского уезда Казанской губернии, – ответил Иван.

– А я из Чебоксар! – улыбаясь, вставил в разговор другой Иван.

Говорили долго, пока не начала мерцать керосинка. Поужинали, выпили чай и разошлись уже за полночь. Ивана разместили в комнате с Номоконовым, парни явно проявляли друг к другу симпатию, особенно после откровенного рассказа Ивана о себе. Василий Алексеевич был искренне рад новому жильцу и в вечерней молитве перед образами не раз вставил его имя в сложную молитву.

Укладываясь спать, он снова подумал о родных, без которых они с отцом уже так долго жили на чужбине. О родных, которых так ждали и по кому так тосковали их сердца. Снова подошел к иконам и прошептал: «... раба божия Ирина, раба божия Фёкла, ... Анастасия, ... Клавдия, ... Августа, ... Зоя, раб божий Николай...».

Василий осенил себя крестным знамением и потушил лампаду.

У двух Иванов была любимая присказка сочиненная ими самими, про самые лучшие, как они думали, города в мире: «Лондон и Париж, Чебоксары да Лаши»! Один был родом из Чебоксар (Чувашия), другой из Лашиевского уезда Казанской губернии.

Чашка и ложка

Василий Алексеевич и Мария Филипповна поселили Ивана в одной комнате с Иваном Номоконовым. И вообще расположили Ивана к себе своей порядочностью, искренностью и почтительным отношением. А Номоконов оказался настоящим «рубахой-парнем», весёлым, остроумным и с добрым сердцем.

То ли свалившаяся вдруг усталость, то ли неопределенность планов, но Чанчунь Ивану не понравился. Однако делать нечего, надо жить.

Номоконов работал в компании купца Ивана Чурина. Помог Ивану сделать документы, сфотографироваться и получить водительское удостоверение в японской префектуре у местного интенданта. С лёгкой руки Ивана Номоконова, Ивана приняли на работу водителем в «кожезаготовительную артель» торгового дома «Чурин&Ко».

Работать приходилось на разных автомобилях, легковых и грузовых. Автопарк состоял из автомобилей: американского – «*Studebaker*», чешского – «*Škoda*», итальянского – «*Lancia Dilambda*», бельгийского – «*Minerva Type AC – Minerva Motors*» и немецкого производства – «*Mercedes*», «*Audi*», «*August Horch & Cie. Motorwagenwerke AG*». Все машины имели руль справа, так как на оккупированной японским правительством территории Китая действовало левостороннее дорожное движение.

С ремонтом машин и агрегатов справлялись тоже самостоятельно. География поездок была разнообразной: Монголия, Китай, но чаще всего колесили по Манчжурии.

Шли годы, чередуя сезоны. Чужбина тяготила, но работа давала пищу, кров и надежды на будущее. Иван был сыт, брит, умыт и даже отрастил усики. Летом он шоферил во френче, галифе и армейских ботинках, поверх голенищ галифе – гетры из плотного материала, на голове красовалась кепка. В прохладную погоду надевал кожаную куртку и меховую шапку-ушанку, а зимой меховую кепку с козырьком и отворотами. В мороз начальство выдавало ему тулуп.

Для ремонтных работ у него имелся всесезонный комбинезон.

По армейской привычке, Иван всегда возил с собой средства личной гигиены, чашку, ложку, нож и кружку. В одной из экспедиций это здорово ему помогло, если не сказать больше.

После революции 1921 года (*продолжение революции 1911 года*) в Монголии начались национально-демократические преобразования, шла борьба с феодализмом, предпринимались попытки разнообразить формы собственности. Тем не менее, Монголия, богатая степями и пастбищами, была страной бедной, а население малообразованным. Однако на её территории располагались обширные владения крупного скота. С владельцами этих сад и гуртов можно бы-

ло весьма выгодно торговаться, что и привлекало различного рода производителей изделий из кожи и прочего сырья животного происхождения. Вот и Ивану приходилось зачастую совершать поездки в Монголию.

Кочевники, разводившие скот, были людьми гостеприимными, угощений тоже не жалели. Но их кочевой образ жизни предполагал свои правила и порядки. Следуя за стадами, они разбивали лагерь, ставили юрты и налаживали свой незатейливый быт. На костре варили мясо, похлёбки и чай. Рук не мыли, ели из одного котла, пользовались одними и теми же «столовыми приборами», а в основном просто руками. Вот и Ивану, как-то раз во время такого путешествия, простодушные хозяева кочевого лагеря упорно навязывали поесть с ними из одного котла. Как Иван не отказывался, а всё равно пришлось, иначе бы сильно обидел «хлебосольных» монгол. Пришлось немножко схитрить. Иван сделал вид, что пошел «по нужде», зашел за автомобиль, быстро вынул из «бардачка» свою чистую алюминиевую чашку, эбонитовую ложку, стальную кружку и в качестве угощения прихватил из машины булку хлеба.

Пока восхищённые хозяева ломали хлеб, Иван зачерпнул из котла горячей похлёбки с мясом и стал неторопливо кушать да нахваливать. Съели всё, что наварили.

В тот же котел кочевники налили немного воды, подкинули в костёр дровишек и сухостоя. Когда вода закипела, закинули в неё сухой зелёный чай, дождались пенки, долили

свежего молока, приправили курдючным жиром и посолили крупной солью.

Отказаться было нельзя.

Позже Иван узнал, что как раз в это время в этом месте свирепствовала дизентерия. И несколько раз похвалил себя, за чистоплотность и предусмотрительность.

Алюминиевая чашка, эбонитовая ложка и эмалированная стальная кружка ещё долго хранились в нашей семье. Я их брал с собой в походы, дома смаковал с них пищу и вспоминал дедушку, пока сам не ушёл служить в армию.

*Раз прислал мне барин чаю
И велел его сварить.
А я отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.*

*Взял я все на скору руку,
Чай весь высыпал в горшок,
На приправу перцу, луку
И петрушки корешок.*

*На таган его поставил,
Все лучинкою мешал,
Потом мучкою заправил,
И начало чай принял.*

*Чай мой вышел объеденье,
Раза два прокипятил,
И немного, в украшенье,
Сверху маслица подлил.*

*Снял я пену понемногу,
Снес я в горницу на стол,
Положил тарелку, ложку,
Тут и барин подошел.*

*"Чай готов, извольте кушать",
Снял я с барина пальто. —
"Молодец, всегда так слушай,
И хвалю тебя за то.*

*Если будешь аккуратно
Ты всегда так исполнять,
То на празднике, понятно,
Подарю рублишек пять".*

*Пять рублей ведь денег много,
С ними можно погулять,
И Акулька-недотрога
Меня будет уважать.*

Слышу, барин рассердился,

*Меня в горницу позвал,
В волосы мои вцепился
И таскал меня, таскал.*

*"Это что ж за образина,
Ты чего мне наварил!
Ах ты, пешика, ах дубина,
Что бы пес тебя схватил".*

*Долго, долго он ругался,
Злой по горнице ходил,
Вдруг чурбан ему попался,
Им меня и проводил.*

*Долго думал, удивлялся,
Чем я мог не угодить,
А потом я догадался –
Позабыл я посолить!*

Долгожданная встреча

*«Сонца юла и миюла,
Чега фанза пушанго,
Караула сытила юла,
Мая фангули акыно»²²*

Как известно, на станции «Куаньчэнцзы» в городе Чанчунь работало большое количество носильщиков. Попадались среди них и русские эмигранты.

Прибывший на станцию локомотив шипел и пыхтел «распуская пары». Из вагонов, спускаясь по крутым ступенькам, неспешно выходили пассажиры, передавая свой багаж из рук в руки. По перрону бегали дети. Чинно, вглядываясь в окна

²² СОЛНЦЕ ВСХОДИТ И ЗАХОДИТ – 1880-е годы (Слова и музыка неизвестных авторов. Исполняется на мотив народной песни "Черный ворон".) Солнце всходит и заходит, А в тюрьме моей темно. Дни и ночи часовые, да, э-эх! Стерегут мое окно. Как хотите стерегите, Я и так не убегу, Мне и хочется на волю, да, э-эх! Цепь порвать я не могу. Ах вы, цепи, мои цепи! Вы железны сторожа! Не сорвать мне, не порвать мне, да, э-эх! Истомилась вся душа! Солнца луч уж не заглянет, Птиц не слышны голоса, Как цветок, и сердце вянет, да э-эх! Не глядели бы глаза. Известна версия этой песни на русско-китайском пиджине (он же кяхтинский или маймачинский), который служил средством межнационального общения на русско-китайской границе с XVIII века и в 1940-е вышел из активного употребления. Сонца юла и миюла, Чега фанза бушанго, Караула сытила юла, Мая фангули акыно. (Солнце есть и нет, Это жилище плохое, Караул уснул, Я разбил окно).

состава, ожидали встречающие – дамы под ажурными зонтиками, кавалеры в шляпах, пиджаках и френчах. Между людьми сновали «ходи»²³, тыча свои товары всем прямо в лицо. Предлагая свои услуги, нестройным разноязычным хором кричали носильщики:

– Мадам, а не изволите ли ваш багаж? – протягивая руку к саквою растерянной Ирины Евлампьевны, пробасил мужичок в фартуке, тут же другой рукой подсовывая тележку, – И детишкам полегче, и Вам не в тягость! А ну, – кинул взгляд на детей, – клади сюда! Да не боись! – улыбнулся носильщик, – «Своих» не обижаем!

Нагнувшись, он подхватил котомки и уложил на низкую тележку. Дети, выпучив глаза, смотрели на мать. Ирина Евлампьевна, поправив платочек на голове, поставила поверх вещей свой саквож, не разжимая пальцев держась за его ручку. Процессия во главе с носильщиком двинулась с перрона в сторону вокзала – носильщик и мать, Зоя держала за руку Колю, который крутил головой во все стороны.

– Поосторониись! Пооберегиись! – то и дело деловитым басом выкрикивал «вожатый». Троица, поспешая за ним, быстро семенила мелкими шажками, мать крепко держала саквож на тележке.

– Откуда приехали, богопочтенные? – с улыбкой обернулся на мать мужичок в фартуке.

– Дак муж мой здесь, – проронила матушка, – а так-то с

²³ «Ходя» – китаец.

Урала мы.

– Ооооо! Земляки! – подпрыгнул носильщик, – А как мужа звать?

– Дак Поластровы мы, муж мой, стало быть – Алексей Павлович будет.

– Да ну?! – мужичок резко остановился. Дети по инерции врезались ему в спину, – А Василий вам кто?

– Дак брат их, – кивнула мать в сторону своих деток.

– Так это ж праздник! – радостно припрыгивая, затанцевал носильщик, – А ну, бегом за мной!

Дружной ватагой они выбежали из новенького вокзала. Бросив тележку с багажом под присмотром Ирины Евлампьевны, носильщик куда-то метнулся. Ирина стояла, не выпуская из руки саквояж, другой рукой бесконечно поправляя платок, смотрела по сторонам, ничего не понимая.

Недалеко от них остановился чёрный автомобиль, из него размахивая руками, выскочил их носильщик:

– Идём, идём, сейчас поедите, это за вами! – расплываясь в широкой улыбке, носильщик схватил вещи, унося и укладывая их в авто. Приезжие поспешили следом.

– Куда?! – спохватилась Ирина Евлампьевна.

– Там всё знают! Шофёр отвезет, как положено! Только не бойтесь, бояться нечего! Это ж радость-то, какая! – по щеке носильщика текла крупная слеза, – Василию от Фёдора низкий поклон передавайте! – хлопнул дверцей за втиснувшимися в машину детьми, Фёдор. Автомобиль тронулся,

нудно гудя своими внутренностями и потряхивая железом на неровной дороге.

– Даже денег не взял, – посмотрела на мать Зоя, – «странный» такой. Мама, а куда мы едем?

– Сама не знаю... – сосредоточено вглядываясь в местность из окон авто, беспокойно прошептала мама.

Автомобиль остановился возле какого-то кирпичного дома с японскими иероглифами по бокам двери. Водитель три раза посигналил. Из дверей вышел бородатый мужчина, за ним второй такой же, но помоложе.

– Ой..! – Ирина Евлампьевна, дёргая неподатливую ручку двери, тут же разразилась слезами. Дети последовали её примеру.

Алексей Павлович, чуть не сорвав автомобильную дверь с петель, выдернул рыдающую жену из машины и заключил в свои жаркие объятия, тоже шмыгая носом. Зоя с Колей облепили отца со всех сторон и навзрыд голосили. Василий, тем временем, подошел к шофёру, чтобы рассчитаться, но получив твёрдый отказ, раскланялся, забрал из машины багаж и мигом оказался в общих объятиях.

Автомобиль, едко газанув, отъехал. Из соседних окон и дверей выглядывали любопытные.

– Слава Богу! – вытирая слёзы жене, тихонько пробормотал Алексей Павлович.

День выдался солнечным и тёплым, время даже не перевалило за полдень. Семья, не смотря на все трудности, нако-

нец, воссоединилась. Во дворе на столе дымил самовар. Дети, как привязанные ходили за Василием. Звенели на блюдах чашки. Возбуждая аппетит, из дома полз сочный аромат пирогов.

– Алёша, тебе Фёдор «низкий поклон» передавал, носильщик с вокзала, – вытирая платочком мокрый нос, нежно произнесла Ирина. Приложила голову к груди мужа, прикрыла глаза и мысленно прочитала благодарственную молитву.

– Да не мне, а Василию, – улыбнулся муж, – его это приятель, слышишь, Вася?!

– Кого? – вытирая руки полотенцем, выглянул из кухни Вася.

– Да не «кого»! Фёдора отблагодари! Не забудь. Ну, надо же... – разгладил усы отец.

– Вася, тебе Фёдор «низкий поклон» передавал, – повторила Ирина Евлампьевна.

– Ааааа, понятно! Ну, надо же, ха! – усмехнулся Вася и вернулся на кухню.

Через год, в 1926 году, у Ирины Евлампьевны и Алексея Павловича родился сын Петя (Пётр Алексеевич Паластров), родной брат Зои и Коли.

Коля

Итунхэ – изогнутая, с множеством озёр-хомутов река. Её русло глубокое, а дно илистое. Дурно пахнущие городские воды, стекающие в реку, не придают ей особого шарма. Берега по обе стороны реки низкие, с потрескавшейся почвой, выветренные и местами поросшие камышом. Лишь на окраине города река проносит свои воды через низкогорную холмистую местность с лиственными и хвойными пролесками. Тяжелые, бурые и бурные воды реки, разливающейся в сезон дождей, порой подтапливают дороги, унося с собой постройки, скот, а иногда и людей. В период наводнения ширина реки может составлять от 110 до 3000 метров, тогда как в обычное время года её ширина не более 100 метров.

Коля рос крепким, белокурым мальчишкой. Его синие глаза жизнерадостно искрились добротой и любознательностью. После рождения Пети, всё внимание родителей и Зои доставалось малышу. Коля же мог запросто отпроситься и убежать играть с соседскими мальчишками. Они бегали друг к дружке в гости, что-нибудь мастерили и, укрывшись в каком-нибудь сарае, по очереди рассказывали страшные истории. Иногда играли в «войнушку», вооружаясь палками и щитами. Если к ним приставали девчонки, вместе с ними играли в прятки или в «колечко, колечко выйди на крылеч-

ко». Временами, когда сверстники были заняты, то Коле и самому приходилось заниматься домашними делами, помогая родителям по хозяйству. А в зимние вечера он с удовольствием слушал «байки», которые детям рассказывали отец или мама. Особенно ему нравились сказки, которые Зоя читала вслух маленькому Пете. Хотя он и сам мог их почитать, но родители настойчиво обязывали заучивать «Евангелие», Новый и Ветхий Заветы.

Однажды, прочитав с приятелями блистательный приключенческий роман французского писателя Жюль Верна²⁴ «Вокруг света за восемьдесят дней», а затем роман английского писателя Даниэля Дефо²⁵ «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, природного англичанина» – ребята, вдохновлённые историями, загорелись мечтой о путешествиях и тягой к приключениям.

Почти всё лето мальчишки собирали у берега реки доски, палки, брёвна и материалы из которых можно было сколотить плот. К началу августа плот был готов. Пришла пора его опробовать, а начинающиеся частые дожди подгоняли идею. Вспомнив о «бурлаках на Волге», мальчишки раздобыли верёвку, вбили колышек в берег реки подальше от воды и привязали к нему плот.

Когда река подошла вплотную к плоту, самый отчаянный из мальчишек вскочил на него и попытался одной ногой

²⁴ Жюль Габриэль Верн – д.р. 8 февраля 1828 – 24 марта д.с.

²⁵ Даниэль Дефо – г.р. 1660 – 1731 г.с.

оттолкнуться от берега. Ничего не получалось, плот сидел на земле и не хотел трогаться с места. Но вода в реке прибывала, и ребята решили подождать ещё.

Вернувшись на следующий день, они увидели мирно покачивающийся плот на воде недалеко от берега. Но привязанная к нему верёвка натянулась, и колышек вот-вот отпустит его в свободное плавание. Костя, отчаянно, схватился за веревку и потянул плот к себе, но сил не хватало. Тогда мальчишки тоже подхватили веревку, и сообща подтянули плот к раскисшему берегу. Костя разбежался и прыгнул на плот, тот пошатнулся под его весом, но мальчик устоял:

– Так, парни! Теперь вы! – скомандовал Костя.

Никто не решался.

– А, ладно, – отвернулся от них Костя, – вон тот шест мне нужен! – показал он рукой на берег.

Мальчишки побежали за палкой, оставив держащего за верёвку плот Колю одного. Самодельный канат скользил в мокрой ладошке. Строптивая река медленно относила Костю от берега. Обмотав руку крепче верёвкой, Коля, упираясь в склизкий берег ногами и едва сохраняя баланс, изо всех сил сопротивлялся течению реки. Неожиданно появившаяся волна качнула плот, приподняла и потащила его за собой. Костя не удержался на ногах и упал на четвереньки.

Подняв голову, он с ужасом увидел, как его относит от берега. На берегу подпрыгивали мальчишки и размахивая шестом, что-то кричали. Лишь только сейчас он заметил, как

плот, тащит за собой на верёвке Колю. Костя схватил вымокшую верёвку и со всей силы потянул Колю из воды. Плот замедлил ход, позволяя принять на борт ещё одного пассажира, но подчиняясь потоку вод, закружился и снова рванул вперёд. Балансируя на неустойчивой палубе, Костя упёрся и почти вытащил Колю из воды. Под их весом плот накренился, обо что-то ударился, перевернулся и, плюхнувшись в воду деталями конструкции, уплыл по течению.

– Я не умею плавать! – шлёпая руками по воде и захлёбываясь, хрипел Костя.

– Держись! Держись! – кричал Коля, пытаясь за что-нибудь схватить своего приятеля.

На беспокойные вопли оставшихся на берегу мальчишек сбегались взрослые. Несколько мужчин разделись и бросились в воду.

Коля, ухватив за воротник Костю, одной рукой выгребал к берегу, но строптивая река относила их дальше по течению. Костя, захлёбываясь и жадно глотая воздух, хватал Колю за голову и пытался повиснуть на его плечах.

– Паря, отпускаяй! – прогремел грубый мужской голос.

Коля обернулся, сплюнул воду и увидел здорового мужика, перехватывающего голову обессилившего Костика. Когда Коля разжал пальцы и попытался грести обеими руками, то понял, насколько он устал и замёрз.

– За мной, паря, за мной! Гроби! Плыви! Не расслабляйся! – доносился мужской голос.

Мутная вода и сильное течение делало своё дело. От усталости, Коля на мгновение замер. Переведя дух, он осмотрелся. Его развернуло и несло в противоположную от берега сторону. Набрав в лёгкие воздуха, он нырнул, пытаясь развернуться в воде и по возможности оттолкнуться от дна реки. Ноги погрузились в тягучий ил, от холода их сразу же свела судорога. И водоворот закружил его в смертельном танце. Коля рванулся всем телом. Но горячий воздух уже вырывался из его груди, теряясь крупными пузырями в потоке вод начавшегося половодья Итунхэ...

III глава

Сватанье

Байка:

«Однажды, родители парня привели его свататься к родителям одной деревенской девушки.

Вот они сидят за столом и, каждый из сватов, наперебой расхваливают своих чад. Отец жениха, нахваливает: «да какой жених работающий, да умелый, да умный, да красавец, кавалер каких мало...»! Отец невесты: «да наша-то доченька умница, какую поискать ещё да не найдёшь нигде, и хозяйюшка, и стряпуха, и поёт, что заслушаешься...»! Так расхваливал, что раскрасневшийся жених даже закурил от возбуждения. Сидит, курит, а угольки с его сигарки всё падают да падают на половичок под ногами, уже и дым пошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.